

Сабля

ПОВЕСТЬ

1

Сергей БАГРОВ

Сергей Багров - один из самых известных и ярких представителей «вологодской литературной школы».

В его творческом активе около двадцати книг, изданных в различных издательствах страны. Сергей Багров - автор самых, пожалуй, интересных воспоминаний о Николае Рубцове.

За книгу «Россия, Родина, Рубцов» он удостоен Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова. И сейчас, в весьма солидном возрасте, Сергей Петрович находится в отличной творческой форме. Об этом говорят и его постоянные публикации в журнале «Вологодский ЛАД».

Забродили соки земли, выгоняя наружу нежные травы. Весна! Особенно жаркими были два дня, за которые Ляля разбухла и посинела. А на третий день стал трещать и лопаться лед. Тысячи ручейков потекли из белевших снегами лесов, впадая в реку, которая стала в три раза шире, чем летом.

На четвертый день, когда льдины пошли шипящими косяками, с правого берега, где таился темнеющий ельник, к левому, на котором стоял Еловец, поплыла рогатая голова.

- Лось! Лось! - понеслось от воды, где проворная стайка ребят трелевала саками рыбу.

Вскоре на берег высыпало десятка два мужиков и баб.

Саблин сидел на девятом венце недо-рубленной бани. Он первым увидел, что зверь попал в западню. Дергаясь мордой от проносившихся льдин, заплыл в белоснежное сало и, ослепленный, начал метаться, ослабевая. Тут же его прибило к торчавшему из воды топляку. А нависшая где-то чуть сзади над льдиной льдина съехала вниз и уперлась лоску в рога.

«Ёр-кородёр! - всполошился Саблин, откладывая топор, - сейчас ведь потонет». Он спрыгнул на землю, поднял веревку, которой затаскивал бревна, и споро спустился к реке.

Перед ним расступились. Кто-то вдогонку:

- Пустое, Веня! Не выволочь! Зря!

Саблин с разбегу вскочил на льдину, одной стороной вылезшую на берег, другой - окунувшуюся в реку. Собрал веревку в несколько колец, сделал провислую петлю и хотел уже было швырнуть, да почувствовал: не добросит.

Рядом, шагах в четырех, проплывала

большая, но рыхлая льдина. Все так и ажнули, когда Саблин взлетел над водой, перепрыгнул, но поскользнулся и тут же пошел вместе с нею ко дну. Когда поднялся, льдина осела, и он оказался по пояс в воде. Льдину несло возле лося. Примеряя петлю, чтоб кинуть ее поточней, Саблин сделал шаг под водой. Послышался треск, с каким льдина раскалывалась на части. Проваливаясь, Саблин выбросил руку, и петля змеей оплела рогатую голову зверя.

Посельчане устали на стремительно плывшие по воде ледяные разломки. А потом и на Веньку устали. Все-таки он не остался в подводной хляби реки и вызволился оттуда. Кто смеялся, кто ругаясь и матюгаясь, наблюдали за тем, как он плыл в снежной жиже, шумно отплевываясь от льдинок. Плыв он грузно, с веревкой в руке, которая дергалась, извиваясь.

У самого берега Саблину помогли - взяли веревку и в несколько рук стали тащить на себя. И-и! Топляк наклонился. Стукнуло по нему под водой костяное копыто. И лось подался, поплыв среди рыхлого сала туда, куда направляла веревка.

На берег он выходил на дрожащих ногах, хотя и большой, но какой-то весь слабый и жалкий, не способный сопротивляться крикливой кучке людей, в которой видел опасность.

- Куда его? Может, на трактор да в город, а там к Садовишенскому, на бойню?

- Лучше, едрена-ворона, сдать в зоопарк!

- А как ты его? До этого зоопарка? По воздуху, что ли?

- А что! Воно, в Африке даже слонов перевозят на вертолете!

- Кончай базарить! - к сохатому подошли братаны Чечулины, Шурка и Ваня, коренастые, в кепках с длинными козырьками, оба уверенные в себе, со смеющимися глазами, знавшими лучше всех, куда и зачем уведут они зверя.

Саблин, лежа на теплой гальке, пока поднимал свои ноги в набухших кирзовых сапогах, выливая оттуда воду, глядел

вдогонку братанам, как те повели за веревку сохатого вдоль реки, а потом - и к белевшим на взгорышке трем недостроенным баням, где и пропали из глаз.

Как и плотники-избострой, сидевшие с топорами на срубках, эту белую, из отборного леса баню Саблин строил не для себя. Подрядил их на это строительство Михаил Петрович Трофимов, выполняя заказ приехавшего в их поселок зама главы «Бумлеспрома» Заборова, которому нужно было четыре бани: одну - для себя и три - для солидных людей областного центра. У всех у них были загородные коттеджи с земельным наделом, где было оставлено место для бани.

Такая халтурка для мужиков, не имевших к весне постоянной работы, была очень кстати. Тем более деньги были обещаны сразу же, как будет построена баня. Кто первый ее закончит, тот первый их и получит. Это подстегивало, и каждый старался пораньше начать свой плотницкий день.

Саблину было жаль времени, которое он потратил на лося. Хотел сегодня поставить стропила. Но, кажется, не успеет. Одежда на нем, словно он в Ляле и не купался, нагрелась от солнышка и работы и вскоре стала сухой.

После обеда примчался Юрка, младший Венькин сынок. Он у него восьмиклассник. Забрался к нему на верхний венец. Взял топор и давай делать вырубку для стропил. Потом, сияя глазами, спросил у отца:

- Чего с сохатым-то будем делать?

Саблин не сразу и понял:

- А мы тут при чем? Его ведь Чечулины увели. А куда и зачем? Этого я не знаю.

- Но, пап. Ты чего? Он ведь у нас во дворе. Туда его привели. А мамке сказали, что это ты его изловил. Ты ему и хозяин.

Какая уж тут работа после таких новостей! Саблин направился с сыном домой. По дороге расспрашивал:

- Как там, в школе-то у тебя?

- Нина Егоровна, ботаничка, говорила о наших елках.

- А чего говорить-то про них, коли все их вырубил вчистую, - сыронизировал Саблин.

- Вот и она то же самое. А еще она говорила, что елки надо сажать. И предложила в эту субботу урок провести не в школе, а на делянке. Будем сажать там еловый подрост!

Саблин задумался. «Не биологу бы надо голову-то ломать над этим, а министру лесного хозяйства. Сколько вырубок зря пропадает, сколько бывших полей! А подрост, что сосны, что елки, тут и там, на каждой делянке. Бери их тысячами оттуда. Высаживай знай. Занимай посадками бросовые уголья. За каждую елочку - десять рублей. Даже не десять, а пять. Я бы первый пошел на такую работу. Каждый бы день высаживал штук по сорок. И не только бы я, весь поселок бы ворохнулся. А глядя на нас, и весь бы район. А там бы и весь деляночный север...»

- Нина Егоровна у вас - голова, - вымолвил Саблин, - быть бы ей не учителем, а министром.

Юрке смешно:

- Ну, папа, кто туда ее пустит?

- Это и худо, что ходу туда для нее не будет. А то, что вы елки начнете сажать, - самое то! Был бы я восьмиклассник - тоже бы с вами...

Разговаривая, они не заметили, как прошли всю дорогу. При виде сохатого, стоявшего в глубине двора с насторожившейся головой и глазами, в которых светилась звериная дума, Саблин спросил у себя: «Ну, куда я его? Что я с ним?»

И Зинаида, выйдя из сеновала с охапкою сена, спросила его о том же:

- Слишком велик для нашего хлевушка. Куда мы его?

- Пускай постоит на воле, - ответил Саблин. - Там видно будет. Может, я его приручу, и он будет у нас как лошадь. Хоть гряды пахать, хоть бревна возить. Как ты думаешь, Юрка, дело я говорю?

- Еще бы не дело! - Юрка горяч и азартен. Мысль отца ему по душе. Подхватывая ее, весело добавляет: - Может, завтра на нем я в школу поеду! Верхом, как наездник!

- Да он тебя сбросит в первую лужу! И печать на тебе копытом поставит, чтоб ты никуда из лужи не вылезал! - Это Вовка. Он только что с улицы. На большом, как у взрослого мужика, лице - ироническая улыбка. Считает себя остроумным и не упустит случая, чтоб не подтрунить над братом, которого ставит всегда ни во что.

Саблину важно понять: почему один сын о животном - с такой откровенной радостью и весельем, а второй - с нелюбовью и даже злом?

- Тебе чего, он не нравится, что ли? - спросил он у Вовки.

Вовка так и уставился весь на зверя, пренебрежительно замечая:

- Конечно, не нравится! Он как пугало в нашем дворе! Такой рогатый и некрасивый! Да и воняет, как от болота! Была бы воля моя, я бы его в один миг превратил в пылающего танцора!

- Пылающего? - теперь уже Вовку не понимает и Зинаида. - И почему в танцора?

- Да потому, что я бы горючкой его облил. И поджег! Во бы он выпрыгнул! Прямо в небо! И поскакал бы по улицам, как танцор!

- Ты с ума сошел! - в три голоса, как в один, вскрикнули Юрка, Саблин и Зинаида.

Сохатый продрог спиной и копытом ударил о мягкую землю, точно услышал Вовку и он и стало ему от этого неприятно.

- Ладно. Пойдемте отсюда. Шумим. Оставим его. Пусть от нас отдохнет, - бросив сено к ногам животного, Зинаида взшла на крыльцо.

А Саблин вернулся. Снял с головы сохатого спутанную веревку. Погладил его по широкой шее и подозрительно поднял глаза на чернильную тучу, откуда упало несколько капель. «Будет гроза, - понял он, - может, укрыть его чем? - И тут же коротко улыбнулся. - Это же зверь. А разве зверя кто укрывает?»

Дождь расходился, и Саблин взбежал на крыльцо. Стоял, зорко всматриваясь в поселок, там и сям устилаемый сум-

рачными тенями, сквозь которые пробивались электрические огни. Не просто поселок был перед ним, а нечто большее, уходящее вдаль и вширь на бесконечные километры, и в них, отражая себя огнями, высвечивалась, как совесть, насторожившаяся Россия.

- Как там лосик-то наш? - спросила его Зинаида, как только Саблин ступил за порог.

- Все нормально, - ответил он ей, - набирается сил. Отдыхает. Дождь ему нипочем.

Так и было. Уже на исходе ночи по нижнему слою несущихся туч протачился и верхний. Гремнуло. И в свете молнии лось разглядел ближний лес, который был для него притягательным домом. Постоял, повернув тяжелую голову к человеческому жилью, где серебряными иглами падали в черные окна плети дождя, подумал о чем-то своим благородным умом и пошел огородами в лес.

Утром, увидев вместо сохатого прорезь следов от копыт, отпечатавшихся на глине, Саблин не огорчился. Так и должно было быть. Так даже лучше.

Подставив лицо порывам апрельского ветра, Саблин шел через весь поселок на Лялю, чтобы там, на высоком ее берегу, забраться на сруб и продолжить строительство бани.

2

Поредел Еловец. И народу в нем стало мало. Кто уехал. Кто попрошайничал и спивался. Кто попался на воровстве. Оставались лишь те, кто на пенсии или в бригаде, кто держал корову и поросенка или жил за счет клюквы, картофеля и грибов. И еще оставались универсалы, которых можно пихать на любую работу - то ли строить чего-нибудь по заказу, то ли лес дорубать в недорубленных лесах, где он не значился в документах и можно было считать его неучтенным.

Это был уже тайный бизнес, и занимался им Михаил Петрович Трофимов. Когда-то он был начальником лесопун-

кта, теперь - ответственное лицо акционерной компании «Лесбумпром», кому давалась из области разнарядка: куда, с кем и сколько везти заготовленного леса.

Трофимов умел оценивать обстановку и видеть будущее свое. Когда-то стремился попасть из поселка в райцентр, чтоб продолжить свою карьеру. Но тут в структуре лесных сообществ пошла сплошная неразбериха. И он решил: никуда не соваться, остаться там, где работал. Однако время от времени напоминать о себе как о единственном в Еловце исполнительном инженерере, кто знает, что надо делать во имя будущего поселка.

Первым, кто Трофимова оценил, разглядев в нем полезного человека, был бывший начальник орс Заборов, кто держал широкие связи со всеми чиновниками района, а потом, с переходом на должность зама главы компании «Лесбумпром», стал своим и среди высококих чинов областного центра. К Парамонову Герман Ефимович мог зайти в любые часы.

- Ценное в этом Трофимове что? - вносил Парамонову в уши. - Умеет воздействовать на людей, исходя из сложившейся обстановки. Исполнителен и усерден. Словом, наш человек. Он нам будет очень полезен.

С подачи Заборова Парамонов и сделал Трофимова хозяином Еловца.

Многое изменилось в поселке за эти годы. Изменился и сам Трофимов - стал солиднее, скрытнее и хитрее. И видел будущее свое не в поселке среди вымирающего народа, а в районном маленьком городке, где строил каменный дом с гаражом, водоемом, садом и баней.

Квартиру в поселке менять Михаил Петрович не стал. Ни к чему. Тем более жить собирался теперь в райцентре. Через месяц-другой особняк его будет готов. Станет ездить туда и оттуда на собственной «Ниве».

Дома - порядок, покой. В холодильнике все, что надо. И спиртное всегда на выбор: дорогая водка, армянский коньяк, чача, горилка, ликер и виски.

Сам Михаил Петрович особо к вину не тянулся. Однако нужные люди бывали в квартире его частенько.

Смуцала, правда, жена. В последнее время стала его Катерина чаще, чем надо, прикладываться к спиртному. И за гостями стала ухаживать так, как если бы кто-то из них был обязан за ней приударить.

- Жируешь, подруга, - говаривал ей не однажды Трофимов, - слишком сыто живешь. Может, тебя на особый режим? Без всяких там балычков, рюмочек и колбасок?

- Спасибочки, - огрызалась жена, - я кто у тебя? Женщина без изъяна. И жить должна так, как хочу, а не как заставляют.

Трофимов не спорил. Жена устраивала его. Была она очень приметной. Округлые плечи, локти, как два батона, и эта зовущая грудь, что пробивалась сквозь платье с наглым вызовом и напором - все было в ней и сдобным, и аппетитным, как у дворянки-барыни из романа.

В Еловце она славилась тем, что была самой яркой бездельницей, никогда нигде не спешила, любила поспать и поест, и все у нее получалось успешно и ладно. К тому же была она доброй, и многие нищие бабки, которым тайком от мужа совала она десятки, благодарили ее, желая ей оставаться такой постоянно.

Детей у них не было. Всего скорей, виноват был в этом Трофимов. В постели была Катерина горячей. Настолько горячей, что муж ее преждевременно млеет и слабел. Но она никогда его в этом не упрекала. Зато в глубине запрятанных чувств мечтала о грубом мужчине, который однажды возьмет ее всю, и она, ни о чем не жалея, сполна испытает греховную страсть.

Впрочем, такое уже состоялось. Нечаянно. В это же лето. Как-то Трофимов велел Катерине съездить на глади, где было болото, надрать для строительства бани с десятков мешков долгогривого мха. Глади в трех километрах от Еловца. Дорога туда лишь зимой. Потому и отправил Трофимов бульдозер.

Драла Катерина мох не одна, а вместе с Сажиним - здоровенным, лет сорока пяти трактористом, за прямую походку, широкие плечи и грудь прозванным Генералом. Потому и управились с делом поспешно. А после сидели на мягких мешках. О чем-то болтали. Было тепло, даже жарко, и как-то так получилось, что Катерина нечаянно расстегнула пуговицы на платье, и грудь, обнажась, вся так и выплыла, нагло сверкая на солнце своей крутизной. Сажин было смутился, однако глаз не убрал и жадно вонзился взглядом в распах ее платья. Катерина, само собой, поняла, что она задела Сажина за мужское.

- Может, позагораем? - сказала ему и стала снимать с себя платье.

И Сажин, краснея, стал раздеваться. Ах, какой он был крупный и сильный, ну точно сам бык с поднимавшейся в нем немереной силой. Она отдалась ему сразу. И, наслаждаясь запретной любовью, впервые за всю свою жизнь испытала жадную женскую ненасытность.

Случилось такое в начале июня, месяц назад. С тех самых пор не было дня, чтобы она не вспомнила эти глади, и эти мешки с теплым мхом, и этого мощного тракториста, так близко склонившегося над ней, что ближе, пожалуй, и не бывает.

Был ранний вечер. Солнце стояло еще высоко, играя лучами на лужах, налившись от дождя, вслед за которым в поселок ввалилась парная истома.

Катерина скучала. От нечего делать она с одного открывала матовый холодильник, наливая себе за рюмкою рюмку. И тут услышала тракторный лязг. Повернулась к окну. «Генерал!» - узнала волнистоволового, в красной футболке, с плечами, как у штангиста, высокого тракториста. Открыл калитку и по мосткам, вдоль цветов - к столбовому крыльцу.

Катерина знала его Глафиру как вздорную, с громким голосом тощую бабу, которая вечно была недовольна - и тем, что живут они кое-как, и что нет у нее работы, и что супруг приходит домой подшофе.

Василия же ее знала она как kota, кто тайком от жены время от времени пропал в покоях какой-нибудь поселчанки.

Катерина заволновалась, когда тракторист ступил за порог и по лицу его с мягкой бороздкой на подбородке скользнула стеснительная улыбка.

- Мне б Михаила Петровича, - тихо сказал.

- Его нет, - ответила Катерина.

- Тут дело такое...

- После расскажешь, - посоветовала она.

- Тогда я пошел...

«Не уйдешь!» - подумала Катерина и, потянувшись руками, вынула из зачесанной головы черепаховую гребенку.

- Я сегодня немножко пьяна, - как похвасталась, - и тебя угошу.

Засмутился мужик. Все же рядом была не простая бабенка. А жена Михаила Петровича, слишком жесткого человека, кто был не только начальник, но и ревнивый супруг, не допускавший и мысли, что Катерина может ему наставить рога.

- Ни к чему, - отказался он, - я ведь, кажется, не за этим.

Но Катерина открыла уже холодильник. И фужер со стола взяла. Налила до краев коньяка. И себе налила, но в юмку.

- Хочу с тобой выпить на брудершафт!

Сажин махнул рукой, мол, чего уж тут, подчиняюсь. И сразу выпил. А Катерина опять наливает - и голосом сладким:

- Ну, почему ты такой непослушный! Я же сказала: на брудершафт!

Сажину было скованно, робко и неприлично. Но второй фужер коньяка и горячие губы наглой красавицы-бабы, чьи соломенно-белые волосы обмели трактористу лицо, сделали с ним такое, что он передернулся всем своим телом и ощутил, как по-черному, страшно и вольно заиграла в нем кровь. И опять, как тогда на мешках, стало Сажину сладостно и блаженно. Роскошная баба, право, требовала его. Обнимает его, прижимая к нему руками, грудью и животом.

Прямо здесь, на столе, в разметающемся халате, почти нагую, с бесстыдно раздвинутыми ногами он и принял ее, погружаясь в такую прекрасную бездну, такой чудный рай, что забыл самого себя и понял, что лучшего в жизни, чем это, пожалуй, уже и не будет.

Потом он сидел, приходя в себя от греха.

- Не робей, Генерал! - Катерина смеялась. Ей было легко, шаловливо и дерзко. - Никто не узнает! Тем более мой муженек!

Говор бегущей машины врасплох никого из них не застал. «Нива» мягко остановилась, наехав одним колесом на крыльцо.

Трофимов, понятное дело, когда вошел в приоткрытую дверь, хмуро насторожился, требуя пройти глазами по трактористу.

- Я, Михаил Петрович, - вымолвил Сажин, - пришел сказать, что нашел воровскую машину.

- Где? - встрепенулся Трофимов.

- За поселком. У бывших скатищ. Дождается, гад, потемок, чтоб по-тихому смыться и никто бы случаем не засветил.

Михаил Петрович чуть поутрюмел. В то же время и чуть посветлел. Весть была не из лучших. Лес воровали давно. Но чтоб кого-то застать с поличным, такого он не припомнит.

- Едем! - решённо сказал.

К речке Ляле, что огибала поселок большим коленом и уходила потом, как по створу, на юг, они подъехали осторожно, чтоб не вспугнуть таившийся лесовоз, стоявший с края заброшенных скатищ среди черневших шишечками ольшин.

Оставив машины в тени от покрытого мхом и травой полусгнившего штабеля мертвых бревен, они подошли к лесовозу одновременно.

Сажин встал позади Трофимова, как его личный телохранитель. Михаил Петрович прутиком, как, играя, настойчиво поцарапал стекло у кабины.

- Кто такой?

Стекло опустилось, открыв лысовато-

го, в майке, крупного мужика с насторожившимися глазами.

- Иван Караулов. А что такое?

- С проверкой! - зычно ответил Трофимов.

- С какой еще там проверкой?

- С такой, что я тут начальник. И это моя территория. Потому хочу знать: что за бревна везешь? От кого? И куда?

- Не скажу, - насупился Караулов.

В ладони Трофимова высветился мобильник.

- Тогда милицию вызываю!

Лицо Караулова помрачнело. Он утомленно вздохнул.

- Ладно. Мне что. Нате, читайте. - И протянул Трофимову накладную.

Михаил Петрович нешуточно изумился. Внизу накладной стелла подписи, где переломно, как падая, - так расписывался лишь он - лежали восемь раздерганных букв: «Трофимов».

Прочел и уставился на кабину.

- Кто тебе это сунул? - Он потряс листочком перед шофером.

- Мой шеф!

- А как зовут его?

- Герман Ефимыч.

- Кто-о? Заборов?! - Трофимов похолодел, настолько дико было узнать, что за спиной его, словно тать, орудует тот, кого он считает своим консультантом. Но вслух возмущаться не стал. Известие о лихой махинации первого зама компании было громоздким, и лучше об этом не знать пока никому. Лишние уши - лишние нервы.

Определенно, такие ходы Заборов делает не впервые. «Вот так и живут господа-чиновники «Бумлеспрома», - подумал Трофимов и сплюнул.

- А лес тебе кто грузил? - спросил Михаил Петрович. Хотя и так было ясно, что бревна эти с нижнего склада и отгружал их его же, трофимовский, крановщик.

«Ну и дела. Вор на воре. И в тюрьму нельзя никого...» - Михаил Петрович вспотел от тяжелого передумья и, не зная, что делать, снова уткнул глаза в накладную. Стоял он под дверцею лесовоза и не заметил, как из нее выныр-

нула рука, три пальца которой взяли в щепотку читаемый им документ и тут же скрылись обратно в кабине.

- Э-э! - Трофимов смутился. - Ты чего это, Ваня! Куда-а? Ну-ко, живо отдай!

Караулов расхохотался:

- Не отдам!

- Отдай, говорят! - подстал, придвигаясь к кабине, и Сажин. И рванул по сильнее за ручку, чтобы силой забрать документ.

Дверца даже не дрогнула, словно закрывалась с той стороны навсегда.

- Всё, ребята! Поговорили! - Караулов принял решение, как десантник. - Некогда мне! - И стал заводиться.

По лицу Трофимова судорога прошла. Он не привык, чтобы с ним с такой наглостью обходились. И в ту же секунду стало ясно ему, что этого быстрого Ваню он не пропустит.

- Сюда его! - показал трактористу на штабель сгнившего леса, в тени которого прятался трактор. - Вставай перед ним! Загороди ему путь! - Рука Михаила Петровича описала круг, выразительно тыча в сторону старой дороги, по которой вот-вот был готов пойти лесовоз.

Минута, пока тяжелой побеежкой Сажин спешил к своему агрегату, взбирался в него и плюхался на сиденье, незамедлительно пролетела. Но Сажин был классным бульдозеристом, и вторая минута, когда он завел горячий мотор и направил машину так, чтобы встать впереди лесовоза, застала его у самой дороги.

Но и водитель не спал. Пуская лохмотья вонючего чада, включил передачу, и лесовоз покати, отрезая бульдозеру путь.

- Тараны! - приказал Трофимов, да так свирепо, по-командирски он приказал, что Сажин почувствовал в нем вожака, которому можно лишь подчиняться. И бульдозер с поднятым грозно отвалом громоздко врезался в лесовоз.

Посыпались искры, колеса яростно засвистели, и Сажин, к ужасу своему, увидел бревна, которые грузно забортотали и, дав перевес, всей своей

тяжестью завалили машину на бок, опрокидывая ее.

Ревущий двигатель, бампер, колеса, рама, выхлопная труба взметнулись кверху и сразу пропали, с утробным плеском и грохотом бухаясь в воду.

Трофимов так и присел.

- Что ты наделал! - крикнул скачущими словами. - Ведь ты человека угробил!

Подождав, пока Сажин спускался на землю, он сделал к реке пару робких шагов. Пнул носочком ботинка по кому земли и, когда тот упал в желтое месиво масла, воды и глины, тяжело и надсаженно застонал.

Плавали бревна. Вода, куда грохнулся лесовоз, кипела и пенилась, как живая. У среза реки торчали колеса. Кабина была под водой.

Сажин поежился. Он был не только растерян, но и раздавлен, словно этот огромный, в четыре десятка тонн, лесовоз лежал сейчас не на дне, а на нем, ломая ему суставы и кости.

Трофимов панически думал. Как ему быть? Ведь это ж огромных масштабов беда! Утопить, пускай и чужого, но человека! И за это придется теперь отвечать. Начнется служебная канитель. Разбирательство. Следствие. Суд...

Он огляделся вокруг. Ни души. Слышно было, как, раздирая кору, поднимались со дна между стоек еловые бревна и плыли одно за другим к рябившему стрежню реки.

- Генерал! - Михаил Петрович позволил себе улыбнуться, хотя улыбаться и не хотел. - Понимаю тебя! Наверно, думаешь о тюрьме. Так и так, мол, туда собираться. Так вот, говорю тебе как советчик - не думай!

Сажин тязко переступил с одной ноги на другую. Лицо его незаметно, но посветлело, выражая крохотную надежду на то, что Трофимов его не оставит в печали и придумает нечто такое, отчего ему станет не так погано.

Трофимов прошелся по кромке обрыва. Остановился и сделал четыре шага к дороге. И опять пошagal, но назад, параллельно реке.

- Это я для тебя, - объяснил, - обозначил зону твоей работы. Всю эту площадь - туда! - И показал на чернеющие колеса.

- Зачем? - не допёр тракторист.

- Чтоб никаких тут следов, и никто не узнал про эту могилу.

Суглинистая земля была податлива и мягка. Нож отвала брал ее глыбу за глыбой, торопливо сваливая в реку. Гремели катки с башмаками, двигатель пел, как поет горький пьяница громкую песню, перевирая ее мотив.

Лицо у Сажина было и жалким, и виноватым, с глазами, в которых сквозила тоска собаки. Мучался он оттого, что невзначай утопил человека и вот зарывает его в воде, как последний злодей.

Далеко за Лялей адело большое облако, а на нем румянился поздний закат, опускаясь сквозь лес куда-то за землю. В своей красоте и спокойствии вечер был бесподобен. Однако измученная душа не принимала его, пропуская мимо себя все чудесные прелести теплого лета.

Сажин сделал свою работу, свалив в реку целый берег. Сдавая бульдозер назад, услышал голос Трофимова, раздававшийся, как из ямы:

- Мил, Генерал! Слава те господи! Шито-крыто! Все концы теперь в воду! А на воде - полуостров. Гляди - тут и не было ничего. Ни лесовоза, ни этого Вани! И никто не узнает, где могилка твоя...

Последние слова Михаил Петрович пропел, радуясь делу, скрывшему преступление.

Сажин не стал вылезать из бульдозера. Сидел, разминая ладонями не отошедшее от расстройства лицо. Было ему непонятно: как это можно радоваться и петь, когда рядом зарыт человек, который только что жил, и вот загремел, провалился, сгинул. Сгинул вдаль от дома, и никто из родных никогда к нему не придет.

Сажин вывел бульдозер к дороге. «Нива» с Трофимовым обогнала его и, клубя низкой пылью, скрылась за поворотом. Было сумеречно. На кольях забора играли вороны. «На земле как в аду, - думал Сажин, - а может, еще и гаже. Там, в аду, одни неживые, никому

ничем уж не навредят. А что на земле? Страх, страх, страх. Сатана гуляет в обликах человека. И толкает таких вот, как я, в липучую грязь, от которой уже не отмыться. Что сегодня я натворил? Пил коньяк. Мял чужую жену. Человека убил. Простится ли это?..»

Бульдозер Сажин оставил около почты: здесь за ним могли присмотреть. В центре поселка, где мост над ручьем и курганная свалка древесного хлама, от которой тащило запахом то ли худаго вина, то ли незвызревшей браги, встретился Сажину Саблин, такой же громоздкий, как он, в просторной футболке, старых кирзовых сапогах, с пилой на плече, как морской автомат, торчавшей в сторону неба. Обрадовался ему Генерал, как собрату по невезенью

- Откуда? - спросил у него.
- С шабашки. А ты?
- С зарывашки.

Они понимали друг друга без слов. Улыбнулись невесело и расстались.

Дома у Сажина взрослая дочка, жена и ветхая, с палочкой, мать. Все трое унылого вида, но вздорчивые на слово и вечно любившие поучать, отчего он старался их видеть как можно реже.

Он ступил на крыльцо. И стоял, разглядывая поселок.

Пролетели веселые ласточки, радуясь теплomu воздуху, небу и тишине.

По той стороне дороги прошла с водой от колодца в белом платочке и тапочках на босу ногу светловолосая Зинаида, жена Веньки Саблина, кому он завидовал, видя во всей ее тонкой фигуре, лице и даже походке какое-то скрытое обаяние, что всегда притягивает мужчин.

Где-то за старыми гаражами, где дремал березняк, выползли то ли беледые сумерки, то ли тени. Постояли, как обитатели леса, и вдруг поспешили к поселку, чтоб затопить вечеряющим воздухом и летающих ласточек, и красавицу с коромыслом, и его, Василия Сажина, стоявшего на крыльце, как караульщик ночи, которую он смиренно ждал, чтобы в ней забыться и раствориться и не чувствовать ничего.

На своей пятидверной «Ниве» Трофимов объездил всю ближайшую местность. Запал в голову разговор с Заборовым, когда тот еще по весне приезжал в Еловец, проворачивая дела по строительству бань.

- Местечко бы надо открыть такое, - глаза в глаза улыбался Заборов, - где бы было красиво, тихо и первозданно. И обязательно: лес, луговина, река. Просил об этом меня Парамонов. Мечтает в таком уголке построить себе деревянный дворец. Все-таки он и рыбак, и охотник, и возраст к шестидесяти подходит. Денег на это он даст, сколько спросишь. У него эти деньги лежат просто так, он не знает, во что их вложить. А, малина моя? Порыщи, поезди, полюбуйствууй...

Ездил Трофимов по старым дорогам, просекам и проселкам едва ли не месяц. И вот как-то взял и свернул на расчистку, которую кто-то гнал от бетонки сквозь лес. И диво его охватило, когда он въехал на раскорчеванное угодье, напоминавшее луговину, которую с трех сторон окружал хвойно-лиственный лес, а по южному склону ее бежала река с островками и омутами. Река неширокая, метров на сорок. Понял Трофимов, что это Ляля, когда-то сплавливали по ней хвойный лес. И домик он здесь разглядывал. Красивый такой, недавно поставленный, видимо, кто-то в нем время от времени жил. И разные маленькие постройки, и огород, огороженный по-крестьянски. Словом, все говорило о том, что открыватель этого места был человеком бывалым.

В этот же вечер он позвонил Заорову на квартиру, сообщив о своей находке. Еще более удивился Трофимов, когда в субботу, буквально на третий вечер после звонка к нему в Еловец прикатил на джипе сам Парамонов - дородный, расплывшийся в шее и животе, с лицом, в котором проглядывала усталость.

За рулем его джипа - тот же самый маленький Валентин, с кем сюда приезжал он лет 15 назад на медвежью охоту.

Решили сразу отправиться в эту местность. Тут и езды-то всего ничего. Пока ехали по бетонке, потом по грунтовке с низко срубленными пеньками и лапником в волглых ямках, Игорь Олегович успел закурить, но не успел выкурить сигарету, как машина остановилась, почти наехав на прясло недавно поставленной огорожи.

Парамонов еще из салона не вылез, а глаза его заморгали, вползвгляда забрав открывшуюся окрестность.

- Это же рай! - сказал самому себе, проходя по берегу к ближнему лесу.

Веселая вольная речка, елки на той стороне, сама луговина с черневшими тут и там корневыми кокорами пней, зеленые тени, что падали от опушки, запах прохладной листвы - все устраивало его.

- Но-о? - Парамонов взглянул на Трофимова недовольно. - Здесь, по-моему, кто-то живет? - И кивнул, чуть прихмурясь, на белый домик, постройки и зеленеющий всходами огород.

Трофимов пренебрежительно посмотрел на обжитое место.

- Сегодня живет, завтра - нет.

- Это как? - недопонял его Парамонов.

- Что-нибудь да сообразим. Выковырнем отсюда.

Парамонов взглянул на Трофимова, как учтивый учитель на лихого ученика, поймав его на чем-то недопустимом.

- «Выковырнем» - не надо, а вот подумать-сообразить - это ты правильно, в самую точку. Надо так в этом деле пошевелить мозжечком, чтобы он, этот самый хозяин, уехал отсюда, не обижаясь. В наше время с такими делами успешно справляется только его величество Рубль. Заплати ему столько, сколько он спросит.

- Не знаю, - замылся Трофимов, - может, спросит он тысяч сорок.

- Сорок ему и отдашь. - Парамонов готов был к подобному повороту. Полез в карман пиджака и, достав пузатый кошель, отсчитал ровно 40 купюр. - Если мало - добавим. - И отдал деньги хозяину Еловца.

- Еще погуляем! - Игорь Олегович

повернулся к реке, с удовольствием подставляя мягкому ветерку рыхловатое, с бледным натеком стареющее лицо, выражавшее благодущие человека, удачно закончившего работу, после которой можно и отдохнуть. И пошел впереди Трофимова берегом Ляли. Остановился шагах в тридцати от реки. Топнул желтым полуботинком, пробивая в дернине ямку.

- Вот здесь и построите мне избушку. В два этажа. С двенадцатью окнами на реку. Чертежи привезет Заборов. И деньги он привезет. Для начала тысяч 500.

Так быстро такие вопросы Трофимов еще никогда не решал. Он смотрел на первого мэтра компании «Лесбумпром» с обожанием и любовью, как глядят на щедрого богача, кто умеет не только сорить деньгами, но и спрашивать за работу, а если надо, то и наказывать не щадя. Ясно было Трофимову, что эту стройку он не затянет.

- А из чего будем строить? Из кругляка? Или, может, из бруса?

- Из бруса! - сказал Парамонов.

- Будет дороже.

- Не важно. Главное, чтобы домик был как из сказки! И новоселье встретить в этом году!

Парамонов уселся в машину, только-только что не счастливый.

Был поздний вечер. Играли тени и свет. Там, где садилось солнце, были зеленые сумерки, там оставалось само былое, там шли друг за другом остановившиеся века.

И вдруг из теснины осин на прорубку вышел с большим рюкзаком на спине высокий мужик. Валентин улыбнулся, узнав в нем того Женю Саблина, кто когда-то спас ему жизнь, застрелив взбесившегося медведя.

- Игорь Олегович! - голос водителя был взволнован. - Это же Сабля! Тот самый охотник! Остановиться?

- Нет, - Парамонов мотнул головой. И тут же почувствовал неприютность, вспомнив ту давнюю зимнюю ночь, когда во дворе Трофимова потрошили медведя, и этот охотник не пожелал на

прощанье пожать ему руку и на вопрос «Обижаетесь?» усмехнулся: «Сожалею, что гладко живешь и житьё на вытьё не сменяешь».

Было видно, как Саблин шагнул чуть в сторону, уступая машине путь. При этом лицо его было сердитым, словно спрашивало у них: «Кто такие? Чего вам тут надо?»

Парамонов чуть шевельнул уголочками губ, посадив на них снисходительную улыбку. «Вот кто тут поселился. Получается, я претендент на его территорию. Да-а. Не хотелось бы мне такого соседа. Впрочем, чего это я? Не хотелось, так и не будет. Все решено. Все схвачено. Не моими мозгами думать о том, как изгнать отсюда этого человека...»

Успокоился Парамонов, вычеркнув Саблина из своей головы, как помеху, которая раздражает. Стекло у дверцы было приспущено, и Игорь Олегович всем своим обонянием, всей кожей лица принимал в себя остро пахнущий лесом ласкающий воздух, а в нем и дорожный покой. Веки его расслабились. С кончиков губ ушла снисходительная улыбка.

4

От леса кормился весь лесопункт, и была эта жизнь достаточно сытой, никто на нее никогда не роптал. Но когда это было? Не в прошлом году. И не в прошлую пятилетку.

Наступила пора прозябания тех, кто не мог устроиться на работу. Едва лесопункт распался, каждый второй оказался без дел. Исключение составляла комплексная бригада, уезжавшая время от времени в лес на вахту.

Заготавливать, трелевать, отправлять древесину туда, куда повелит разрядка из «Лесбумпрома» - всем этим циклом командовал Михаил Петрович Трофимов. Одновременно он регулировал вывоз того неучтенного леса, который сбывал наезжавшим в их Еловец представителям разных коммерческих фирм.

Михаил Петрович знал людей своих хорошо. Допускал к потаённому бизнесу

самых надежных, кто свой нос не сует не в своё. Вальщик, трелевщик, шофер лесовоза - вот три фигуры, которые делали то, что прикажет им он. Чаще всего становились ими Саблин, Сажин и Ваня Чечулин.

Деньги шли в карман Михаила Петровича косяками. Было их много. За какие-нибудь полгода обзавелся он новенькой «Нивой» и носился в ней по поселку как черт, пугая пенсионеров.

Михаил Петрович, хоть и сумбурно, но создавал, что стал мошенником маленького масштаба, что, угнетая своих подчиненных, ведет себя слишком смело и многим рискует. Знал, что его за глаза ненавидят, в глаза же к нему - с пристойностью и улыбкой. И это устраивало его. Главное, думал он, оставаться на должности, чтоб никто никогда с нее его не спихнул. Потому что без должности быть ему, как и в юные годы, снова безденежным и безликим.

Но пополз по поселку слухок: дескать, наше начальство путает лес государственной с лесом личным, и что об этом известно уже в департаменте, и оттуда вот-вот нагрянет с проверкой контроль.

Слухам Трофимов не очень-то верил. И все же решил от греха отойти. Росчерком ручки по документу все неучтенные бревна вывел в учтенные, а добытчикам леса, работавшим на него, посоветовал отдохнуть до тех пор, пока не найдет для них нового дела.

Непривычно и странно видеть в центре поселка среди бела дня возле закрытого клуба отдыхающих мужиков. Сидят на скамье с прочно поставленными ногами в горячих резиновых сапогах. Курят и не торопятся никуда, убивая ненужное время.

- Ну, куда мы теперь?

- А прах его знает.

- Хоть выходи на большую дорогу...

Унылее нет человека, оставшегося без дела. Какое-то время Саблин ходил по поселку, справляя шабашки. Кому-то распилил дрова. Кому-то выправит баню. Потом и шабашить не стал. За-

манил к себе дедовский хутор, где у Саблина были уже и собственный домик, и огород, и маленькие постройки. Впервые сюда он пришел четыре года назад. В ту пору с работой, как и сейчас, было прескверно. И вот как-то вечером, размышляя о том о сем, неожиданно вспомнил старого Елизара. Вспомнил со слов своей матери. Та когда-то рассказывала ему о нем, и о бабушке Варе, и об отце, и чуть-чуть о себе. Рассказывала с такой стеснительно-кроткой улыбкой, с такой жалостью и любовью, как если бы все они были живы и скоро встретятся для того, чтоб никогда друг с другом не расставаться.

Думы, думы... Они-то и стронули Саблина с места, толкнули его за пять километров на бывший дедовский хуторок. Сначала сбродил он туда просто так. Ознакомиться, присмотреться. Потом явился с бензопилой.

Здесь, как в запрятанном государстве, где струилась спокойная Ляля, в бегущие воды которой смотрелись с крутобережья осины и елки, Саблин вытвердил для себя: «Коли нет работы в поселке - тут ее будет невпроворот...»

Саблин дернул пускач. И пила, как ругач, взломала застойную тишину. Роняя первую из осин, он уже знал, что будет здесь ставить свой дом. И место расчистит для огорода. И дорогу прорубит сюда через лес.

Пластался он целый день. Перед тем как пойти в Еловец, вскипятил на костре кружку чая. Кружка и раньше была его спутницей в переходах, которые он совершал по лесам, заготавливая на недорубах тот самый лес, который значился неучтенным. Кружка была литровая, и он варил иногда в ней похлебку, но чаще всего заваривал ягоды, листья и стебли, которые были всегда под рукой.

Пахло щепками и рекой. В прореди елок за Лялей, как золотистые пилы, порхали полотна вечерних лучей. Саблин уселся на спиленный пенёк. Взял кружку с чаем, поставил, как башенку, на колено, и стало ему комфортно, будто сидел не на вырубке, а в хоромах, где на

десерт подают душисто заваренный чай. Было спокойно, и в голову, мягко пьяня ее, лезло бывшее.

Кто он такой, Вениамин Алексеевич Саблин? Внук хуторянина Елизара, кого в 30-м году приписали к кулацкой верхушке и вскоре отправили по этапу куда-то на Воркуту. Виной тому было разросшееся хозяйство - две лошади, три коровы, десяток овец. Были заводец, где из берестовой скалины гнали деготь, своя маслобойня, мельница на реке, теплая, с печью, столярная мастерская, в которой хозяин по зимней поре мастерил на продажу осиночные долбленки, плел еще из нащепленной драни корзины и бураки. За Елизаром явились в позднюю осень, когда с берез отлетали последние листья. Увезли в его же собственном тарантасе. А хозяйство с живностью, домом, постройками и полями передало колхозу. Жене арестанта, еще не старой, в зрелых letech Варваре Ивановне Саблиной, жить на хуторе воспретили. И она с восьмилетним сыном Алешей, будущим папой Вениамина, перебралась в Еловец, где им выделили жилье в пустовавшей избе, хозяин которой, тоже попавший в число кулаков, бежал неизвестно куда и назад не вернулся.

Как и многие вдовы, оставшись без средств и кормильца, Варвара Ивановна стала ходить с топором на делянку. Десять лет обрубала сучки. Сын Алеша рос с добрым сердцем и с годами стал для Варвары Ивановны в помощь.

Мать не могла нарадоваться тому, что сынок вышел весь в своего отца - крупно скроенным, сильным и работающим. Вскоре стал он ходить в лесосеку. С топором и лучковой пилой. Возвращался домой только после того, как выполнит норму. Такое ценилось и ставилось даже в пример. Появились в доме достаток и деньги, на которые были куплены самовар, медный бак для воды и иссиня-серый, военного кроя, с двумя накладными карманами китель. Жить бы так им и впредь. Да вмешалась война. Алексея призвали.

Возвратился в поселок он в 45-м. Вар-

вару Ивановну не застал. Умерла. В том же памятном 45-м Алексей женился на дочке бухгалтера лесопункта, миловидной, с робким характером, крайне стеснительной Катеринке. Здоровьем Катя не отличалась. Пять раз приносила она детей, и все они, не успев встать на ноги, умирали. И только последний, шестой ребенок, радуя мать и отца, оказался живым. Маленький Веня рос крепким, ничем не болел, ничего не боялся и стал для родителей баловнем и утехой.

Однако век у родителей был недолог. Отец работал в лесу на валке и однажды не уберется. Комель спиленной им осины, прыгнув с пня, развернулся и, падая, с маху ударил вальщика в грудь. Больница спасти лесоруба была не в силах.

Веньке было в ту пору четыре года. И Катерину, до этого не работавшую нигде, вынудило пойти в контору просить какой-нибудь работенки.

Без специальности женщина в лесопункте годилась лишь на подхват. Потому и катала она по слёгам пиловочный лес или пни корчевала под лесовозку, в лучшем случае, отгребала с путей пило-рамы кору и опил. В 40 лет сорвала на спине становую жилу. Поболела неделю и отошла. Саблину было тогда 14 лет. Один-одинешенек в целом мире. Куда ему было деваться? Разумеется, в лес.

Костер потухал. Саблин не стал его оживлять. Ельник за Лялей, качая макушками, шел и шел куда-то на юг, пока не смешался с мреющим горизонтом, откуда, подкрашенная закатом, летела веревка красных гусей.

Давно ли Саблин шумел здесь пилой, одно за другим укладывая деревья, под которыми млела когда-то живая земля, отвоеванная у леса старательным Елизаром. И вот вместо леса - зеленая луговина, на краю которой, как парус, белел поставленный теремок, уставясь веселыми окнами на реку, где, усевшись на кряж, как матрос, проплывал дерзкий ястреб-тетеревятник.

Четыре года ушло, чтобы выполнить эту картину. Саблин здесь ночевал и

дневал. Там, в Еловце, была у него зависимость от работы. Здесь же не он от нее зависел, а она от него, потому и справлялся он с нею радостно, как художник, отдавая работе весь пыл.

Иногда приходила сюда Зинаида. Помогала сажать огород, собирать в лесу рыжики и бруснику. В дни ее посещения Саблин испытывал скрытую нежность, и было ему желанно видеть чистое, как у девушки, без морщин и дряблых пометин лицо и ладно сидевший на ней сиреневый джемпер, под которым, как белка, пряталась чуткая грудь, слышать, как она говорит, нажимая на «о», поправляет рукой прядку светлых волос, отправляя ее с невысокого лба куда-то за шею.

Перед сном они отдыхали на лавочке около дома. И раскладывали, как карты, мечтательные слова.

- Заведем корову, а может, и лошадь, - планировал Саблин.

Зинаида не убавляла:

- Можно и поросенка. А еще бы лучше гусей. Они вольную воду любят. Вон тут сколько ее!

Саблин млеет:

- Сад разведем!

- С цветами! - млеет и Зинаида.

- Заберемся сюда на целое лето!

- Вместе с сынками!

- Да, с сынками. И будем жить припеваючи.

Зинаида смеется:

- Как кулаки!

- Нет! - не согласен Вениамин. - Кулаков выселяют.

- Но это раньше! При Сталине! - поправляет его Зинаида. - Что ты, Веня! В наше-то время? Это же дикость!

- Может, и дикость. Это я так, не подумав... - Саблин покладист и добродушен. Очень рад, что жена у него с мозгами и знает не хуже его, чем живет сегодня простой человек, надеясь в первую очередь на себя, а потом - на идейных вождей и уж в крайнем случае - на начальство.

Как всегда, провожал Зинаиду Вениамин рано утром по светлой росе. Провожал до бетонки, которая шла от

поселка к райцентру. Тут Зинаида одна уходила домой. А Саблин - обратно на свой хуторок. Здесь, как в очереди стояли, постройка бани, обшивка сарайки, устройство хлевушка. Бревна для этого разноделья были ошкурены и лежали на берегу в штабелях, подсыхая на солнце.

Главный строительный материал - осина. Ее тут не вычерпать, как и море. К тому же была она прочной, легка в обработке, способна служить сорок лет, хоть в стене, хоть в крыльце, хоть в крыше, хоть в огороже.

Хорошо, когда руки сами хватаются за топор. А топор, словно желна на старой сосне, долбит и долбит, погружаясь в плоть податливой древесины. Поглядеть на строителя в эту минуту - значит увидеть его переломные брови, под которыми светятся жарким азартом чуть прищуренные глаза, обегавшие сразу все то, что делает мастер сейчас, и все то, что будет делать через минуту.

Не только домик над Лялей, но и забор, и сам огород, где росли лук, морковь, огурцы и свекла, устраивал Саблин с доброй душой, готовясь обрадовать всех, кто будет сюда приходить, как на праздник. А приходить, он уверен, будет и Зинаида. И сын его Юрка. «И пасынок Вовка», - чуть было не вымолвил про себя и вздохнул, сожалея о том, что не может думать о парне теплее.

Сколько раз он пытался наладить с ним сносные отношения! Даже брал специально на дедовский хутор. Неделю ходили они втроем. Отец, сын Юрка и пасынок Вовка. Вовка низенький, но широкий, с большелобым лицом, на которое нет-нет и выскочит что-то в себе скрывающая усмешка, а в ней, как в норе, тайно прячущийся подвох. Юрка, хоть и моложе брата на год, ростом был его выше, худой, с поворотливой шеей и очень живыми доверчивыми глазами, в которых таяла синева.

Юрка старался работать как взрослый. Бензопила и топор в руках его не скучали. Вовка же, словно с надрыва, что бы ни делал, все неохотно, и вид при

этом понурый и злой, будто его завалили работой и он от нее изрядно устал.

Саблин терпел. Лишь однажды, не выдержав, рассмеялся:

- И в кого ты, Вовка, эдакой бубень?

- Не в тебя! - огрызнулся большак. - А в отца своего!

Саблин так и поник. Пасынок больно ударил его, попадая в ранимое место. И ответить на это ничем он не мог. Мальчик был - не подарок. Обидчивый, нервный, он давно затаил на Саблина злобу, ибо знал, что тот ему не отец. Как и жена, Зинаида, Саблин скрывал от пасынка то, что его настоящий отец был в бегах. И знать, что Саблин ему не родной, было, конечно, парню не надо. Но нашелся сторонний, с улицы, язычок, кто открыл недоростышу эту правду.

Саблин старался не обижаться. К тому же он очень хотел пробудить у пасынка интерес хоть к какому-то ремеслу, хоть к какому-то делу. Однако Вовке этого было не надо. Как был он скучающим в первый день прихода на эту стройку, так скучающим и остался.

Саблину было обидно. Ведь не работы он требовал от ребят. Со всеми делами здесь справится он и один. Любопытства хотел он для них. Любопытства к той жизни, которая в них и около них. Без любопытства может лишь бросовый человек.

«Неужто Вовка такой? Неужто беспутко? - печалился он. И тут же радовался за Юрку: - Ничего ведь не заставляю. А гляди, как он шьёт топором! Руки, право, бегом! Видно, парень в меня... А Вовка? Тоже, значит, в отца? Угрюм. Слова клещами не вырвешь. Молчит, как бирюк. Зато к ночи повеселеет. Поташится к уличным отморозкам. Дом для него - тюрьма. А улица - воля. А что в этой воле? Побранки, рысканья, свист и хохот. Словом, поиски приключений».

Саблин не удивился, когда увидел, что Вовка тюкает топором по бревну так, как если бы собирался сломать топорнице или ногу себе подрубить. Он подошел к нему. Отбирая топор, показал на осиную опушку:

- Сходи-ко лучше в болото. Моху надергай!

Забрав пару белых мешков из-под сахара, Вовка нехотя двинулся в лес. И пропал.

Часа через два, поставив с Юркой стропила на баню, Саблин отправился на болото. Ста шагов не прошел, как увидел пасынка, распластавшегося на кочке.

- Спишь, как чупа! - присвистнул и, плюнув в сердцах, возвратился назад.

А после обеда заставил Вовку убрать из-под тесаных бревен щепьё. Вовка только и сделал, что наклонился. И сразу отпрянул, словно увидел на взъеме ноги налезающую на него лесную гадюку. Даже спнул сапогом, как бы стряхивая ее.

- Чего еще там? - потребовал Саблин.

- Скакухи! - Вовка зябко поежился, показывая на двух серых с прозеленью лягушек.

Больше Саблин его ничего не стал заставлять. Усевшись в светлую тень от дома, прищурил глаза. Невдали, над макушками елок, как чья-то потерянная душа, маячило рыхлое облачко, уплывая сквозь марево к Еловцу. Методично и сочно тюкал топор - старается Юрка. И выплеск воды от летящих ракушек - тоже старается, только Вовка, не зная, куда девать себя от безделья.

До вечера было недалеко, и Саблин прошелся по берегу до опушки, где скрылся в молоденьких елках, и обомлел, увидев такое нашествие мелких маслушек, что встал, чтобы их не топтать. «Пусть по-растут еще ночку. Утром приду».

Ребят он отправил домой, в Еловец, а сам задержался.

- Скажете мамке: завтра грибов на жареве принесу, - сказал им вдогонку и поспешил с длинной удочкой к темному омуту под обрывом.

Здесь, шагах в сорока от крыльца, где дышала прохладой даже в жару трехметровая впадина Ляли, Саблин редко когда не вытаскивал крупных лещей. Эти лещи и стали подспорьем в семье, особенно в те незавидные дни, когда у них не было денег.

Облака над рекой. Плывущая с суком, как с рогом, сухая кокора. Берега с нырнувшими в воду колоннами елок. Сколько здесь неосвоенного, глухого!

Клюнуло. Поплавок повело, потащило вдоль берега. Саблин, как это делал тысячу раз, дернул удочку вверх и сразу почувствовал тяжесть сопротивляющейся добычи. Чтобы лещ не ушел, поднял его серебристую голову над водой, и тот поперхнулся от воздуха и затих. Рыболов спокойно вывел его на берег. За какой-нибудь час клюнуло трижды. Три леща серебрилось на берегу.

Вечер стужался. И поплавок уже был еле виден. А Саблин сидел и сидел, не смея расстаться с тихой рекой, на которую опускалась погожая летняя ночь, принося с собой, как из сказки, небывалых размеров луну и покрытое тайнами звездное небо.

5

В Еловец Саблин выбрался к вечеру нового дня. Задержали маслушки. Было их густо, и все одинаково мелкие, как монетки. Часа три собирал, наполняя просторную, в пять крупных дранок корзину.

Зинаида была довольна.

- Все-таки ты у меня добытчик! - говорила, раскладывая грибы.

Саблин сидел за дымящимся супом. Ел с аппетитом и улыбался. Было ему хорошо. Зинаида то уходила куда-то на двор, то приходила. Приходила, как вынырнув из лучей, вся уютная, светлая, с высоко посаженной головой, аккуратно спеленанной красной косынкой. Усталость после пяти километров дороги с ношей давала знать о себе. Но прошла какая-то пара минут, и усталости нет. Саблин глядявался в свою нестарющую супругу, поднимаясь душой, и думал: «За что же Бог меня удостоил такой жены? Красивая, что тебе верба в мае».

Потом они оба взялись за грибы. Высыпанные на стол, они пугали своим количеством. Слишком много и слишком долго с ними возиться, снимая с каждой маслушки скользкую оболочку. Однако грибы были первыми в это лето. Очень

вкусны. И можно было их жарить и парить, и даже готовить из них консервы. Так что стоило покорпеть.

Саблин расспрашивал:

- Как тут у нас на поселке? Все так же?
- Все так же.

- О работенке какой-нибудь там не слышать?

- Не слышать.

Зинаида была одета хотя и в опрятный, но старый халатик. Денег не было на обнову. Она, как и муж, была сейчас без работы. Хорошо, что держала трех коз. Молоко от них продавала приезжавшему через день из города на своем «Москвиче» пожилому ветеринару, у кого болела жена, и он брал его как лекарство. На эти деньги пока и жили, и то покупая один только хлеб.

- Как сынки-то тебе помогали?- спросила она.

- А как иначе, - ответил Вениамин, - только вот Вовка чего-то не слушается меня.

- Да и меня слушается не боле.

- Переходный возраст?

- Может, и переходный, - Зинаида сняла косынку. Повела тонкой шеей. Прошлась, поправляя, ладонью по волосам. Но те упрямо вернулись назад, развалив себя на два края. Этот развал волос и эта тонкая шея, выражавшие муку хозяйки, не знающей, как уйти от безденежья и забот, задела Вениамина, утяжелая в груди дыхание, и он почувствовал сердце, в которое, как иголка, впиалась заострившаяся тоска.

- Кто из него получится, право, не представляю, - добавила Зинаида.

Саблин слушал жену, опустив глаза на свои ходившие по столу с перочинным ножичком крупные руки, точно искал в них, как в книге, необходимый ответ, который бы мог Зинаиду утешить и успокоить. Но ответ, как нарочно, не открывался. И он страдал, принимая душой обеспокоенность Зинаиды.

- Связался с Матвейкой Оболиным, а тот из колонии вышел. Научит не делу.

- Да, - выдавил Саблин, - надо бы как-

то с парнем покрепче. Поговорить, чтоб пробрало до селезенки.

- Не говоркой он у нас.

- Это дома такой, а на улице - бубен.

- Как бы чего худого не натворил, - задумалась Зинаида. - Вон дедко Рома жалуются. Уходил в магазин. Дверь закрыл на багот. И ходил-то какой-нибудь час. А вернулся - в квартире ровно Батый побывал. Всё перевернуто. Литра водки была - не стало. Медали и орден Отечественной войны хранил в шифоньере - их тоже как сдуло. Это наши мазурики эдак его. А первый мазурик Матвейко Оболин. А где Оболин, там и наш охломон.

- Ну, это еще неизвестно, - сказал неуверенно Саблин, забывая о том, что супруга бывает крутой, когда ей в разговоре не уступают.

- А то, что наш сын домой возвращается только под утро и только пьяным, - тебе известно? - всплила.

Вениамин растерялся.

- Ты это чего? Это серьезно?

- Ты там, на хуторе, как отшельник, не знаешь, поди, и того, что Вовка с Юркой уже подрались!

- Ёр-кородёр, - обдивился Вениамин.

- С чего бы такое?

- С того, что Вовка тебя при Юрке эксплуататором обозвал. Вот и сцепились, как два волчонка. Один за тебя, другой на тебя. Еле их разняла.

Саблин чуть было не улыбнулся. Из-за чего в расстройство входить? Такая мелочь. Подумаешь, пасынок обозвал. Да и прозвище, право, совсем пустое. Сколько их, этих прозвищ, он получил на своем веку! Как его только не обзывали - Саблей, Еловым фашистом, Извергом, Лютым и даже Ельцинским пнем! И Юрке бы тоже не надо на это сердиться, тем паче бросаться с боем на брата. Но чего уж теперь? Проехано. Все забыто.

Грибы были все, наконец, очищены и помыты. И Зинаида взялась за рыбу. Чего-чего, а готовить разные кушанья, даже деликатесы, супруга умела. Не зря какое-то время она служила в столовой поваром, и все блюда ее были на славе как самые-самые, без которых, пожалуй,

уже и нельзя. Но столовая в пору развала орсовского хозяйства долго не продержалась, и Зинаида осталась без дел. Верней, без зарплаты, так как дел, когда оказалась вне службы, не убавилось у нее. Даже стало их больше: надо было изобретать из почти ничего все то, что годилось бы на еду, на обувь и на одежду.

Это качество русской женщины выправлять жизнь семьи за счет сил своих, своего характера, обаяния, расторопности и умения умиляло Вениамина. И он сам старался, как мог, помогать супруге своей в том, чтоб им обязательно выжить и даже жить, не завися ни от чего. Поэтому он и был всегда начеку, когда дело касалось работы, или ягод с грибами в лесу, или рыбного клева на Ляле.

Зинаида пошла встречать своих Марту, Калину и Куклу, которые вместе с другими козами Еловца паслись на вырубках за поселком и теперь по непозднему вечеру возвращались домой.

Саблин тоже пошел. С крыльца уже бросил жене вдогонку:

- Ребята-то где у нас? Чего-то не вижу?

- Один шляется где-то, второй - в козьем стаде, - ответила Зинаида.

- Пастуши-ит? Уж не Юрка ли?

- Он!

Саблину слышать такое приятно. Юрке 16-й год. И на! Взял и сам отыскал себе работенку. «Это он ради нас. Чтоб помочь Зинаиде и мне. Принести в дом собственную копейку. Так когда-то делал и мой отец. Да и я через это прошел. Порода. А в породе - фамильная кровь. Притекает из древних времен. Ведь когда-то текла она в дедушке Елизаре. После - в бате моем. А сейчас она, значит, во мне и в моем кровном Юрке...»

От приятных раздумий Саблин мягко расслабился, подобрел. Проводил теплым взглядом одну за другой всех троих желторогих, с бородками, коз, за которыми шла, играя веточкой, Зинаида. Ей доить еще их и поить, заставить в хлевушек и давать, глядя на ночь, траву. «Скоро я вас на хутор, на нетронутый травостой», - думал Саблин, спускаясь с крыльца.

В калитке он встретился с Юркой. В

джинсах, засканных до колен, без рубахи и майки, весь коричневый от загара, с лицом быстрым и возбужденным, был похож он на юного футболиста, который только что отыграл с ребятами матч. Саблин хлопнул его по плечу:

- Откуда, парнище?

- С поскотины!

- О-о! Пастухом, что ли, там?

- Подпаском!

- И как тебе работенка?

- Самое то!

В стороне, где мостки, послышался грохот, точно кто попытался взломать забор.

Да это Антонов! Маленький, седенький, с чемоданом, который грохнулся о забор оттого, что хозяин его споткнулся, едва и сам не упав на мостки.

Саблин свесела:

- Василий Львович, не в город ли уезжаешь?

- В город! В город! - блеснув вставными зубами, зычно, как прежде, когда работал мастером леса, откликнулся старикан. - На автобус бегу! Как бы не опоздать. - Он наклонился за чемоданом, поднял его и, краснея лицом, потащил, как невольную ношу.

Отец с сыном переглянулись. Поняли сразу друг друга без слов. Саблин махнул Антонову, мол, пока, будь здоров, счастливой тебе дороге, а Юрка, вежливо улыбаясь, взял у старого чемодан и пошел рядом с ним к автобусной остановке.

До автобуса далеко. Весь поселок надо пройти. Юрка, сломавшись в поясе, тащит окованный на углах белыми бляшками чемодан. Антонов еле за ним успевает. Автобус тут же и трогается в дорогу, едва Антонов забрался в него, принимая из Юркиных рук чемодан.

И тут откуда-то из-за трактора, что стоит истуканом здесь целую пятилетку, качнулась стайка шнырливых ребят. Каждый с бутылкой дешевого пива. А Матвейка Оболин - с двумя.

- Кто он будет тебе? - спросил у Юрки Матвейка.

- Никто.

- А чего чемодан-то ему ты нес?

- Так.

- Он чего? Попросил тебя?

- Нет. Тяжело ему, вижу, вот взял и понес.

- А заплатил он тебе? Дал хотя бы на пиво?

- Не-е.

Тут и Юркин братан выделился из стайки. Тычет бутылкой в сторону Юрки:

- Он у нас кто? Тимуровец! - и смеется. Смеются и все остальные, радуясь случаю поглумиться над неотесанным простачком.

- Так ты тимуровец, в самом деле? - подхватывает Матвейко.

- Никакой не тимуровец! - сердится Юрка.

- Тогда почему ты его не хряпнешь? - Матвейка показывает на Вовку.

- За что-о? - изумляется Юрка.

- За то, что он тебя тимуровцем обо-звал!

- Очень-то мне это надо пачкаться о него.

- Он - трус! - Вовка делает к Юрке заносчивый шаг. - Бойтся, что я рассыплю его о трактор, как эту вон склянку! - И взмахом руки отправляет бутылку туда, где стоит развороченный трактор.

Звон расколовшегося стекла на какую-то долю секунды поверг всех в смятение, а потом и в восторг. Вовку схватили, подняли на руки, как героя, и стали подбрасывать вверх.

- Поди, пока цел! - Матвейко взглядом отправил Юрку домой. - Сейчас недосуг! После с тобой разберемся! Катись!

Юрка ушел с ощущением человека, которого так и так должны были бить, однако не били, и стало ему от этого гадко. Словно его проверяли на прочность и он проверку не выдержал до конца.

6

Стайка юнцов, не имеющих ни профессии, ни желания, чтоб чему-нибудь научиться, слоняется по поселку туда и сюда. Украдут у кого-нибудь бензопилу или плотницкий инструмент, продадут на сторону за бутылку, выпьют и снова

рыщут, как бобики, по поселку. Могут слить и бензин у машины, если хозяин оставит ее без присмотра хотя бы на десять минут. Могут в проулке подкараулить кого-нибудь из не местных, кто здесь проездом, и отобрать у него сумку или портфель.

Будущего у них нет. Да оно и не надо им. Потому что будущее заставит задуматься: как жить дальше?

Без лишних раздумий шагают они по жизни, не понимая, что плохо, а что хорошо. Могут избить человека не потому, что он сделал для них что-то очень худое. Избить просто так, без умысла и без цели. И этим отметить свое присутствие в этом мире как недалеких, но вредных и даже опасных юнцов, которых надо остерегаться.

Сын Зинаиды Вовка именно в эту компанию и попал. Шел ему 17-й год. Кое-как на тройки и тройки с минусом одолел восемь классов. Дальше учиться не стал. И вот с такими, как он поворотливыми шнурками почувствовал волю и злое желание портить, гадить и разрушать.

- Зря братанчика отпустили, - сетует он, сжимая с досадой мстительный кулачок, - надо было хотя бы пинков ему надавать!

- Успеем! - смеется Матвейко. - Теперь покумекаем о другом! Чего бы хотелось тебе и тебе? - тычет пальцем на развалившихся около трактора, в травке снулых подростков. - А-а? Думайте, думайте, остолопы!

- Горла промочить! - угрождают ему.

- А митьки? Хотя бы сто рэ? Имеем?

Денег не было у ребят. И тогда Оболин командует:

- Туда, где есть Ваше, а будет Наше! За мной!

Это было одно из любимых занятий маленьких хулиганов. Собиралось их до 15 человек. И бежали по темным улицам Еловца, наводя на каждого встречного страх, да такой, что от них шарахались, как от духов.

Засадку делали около магазина. Шаря глазами из темноты, дожидались, когда

откроется дверь и выйдет с продуктами покупатель. Бросались стаей и, вырвав из рук тяжелую сумку, таяли, как невидимки, оставив ограбленного ни с чем.

Сегодня они грабнули дедушку с клюшкой, который с пенсии разжился пятью бутылками водки (брал ее сразу на месяц), и вот, опрокинутый к штабелю ящиков за крыльцом, поднимается на колени, шарит ладонями по траве, куда упали очки и клюшка, и, не найдя ни того, ни другого, встает и гортанным голосом, со слезами:

- Это чего такое-е? За что-о?

А недоростыши снова бегут за своим жожаком, правясь туда, откуда явились. Им вольно, весело и забавно, и каждый себя ощущает завоевателем скрытого сумерками поселка.

Возле старого трактора, где поросший кустами и дикой рябинкой пустырь, ставший для юных налетчиков станом, устроили пир. Сидели кружком, в центре которого врыта в землю канистра, а на ней, как на троне, их расхристанный предводитель. Оболин открыл замочек хозяйственной сумки, свалил оттуда водку, хлеб, сигареты и мыло. Мыло тут же швырнул куда-то к дороге:

- Покупают, чего не надо! А где, извините, лук? Перышки, перышки лука? На закусь?

Тут же двое мальцов, кого он выделил взглядом, рванули к ближайшему огороду.

Пили из горлышка. Сразу из всех бутылок. Оболин после второго глотка спросил, обращаясь ко всем:

- Кто в поселочке-то у нас самый-самый богатый?

Захихикало из травы:

- Михаил Петрович Трофимов.

- Вот его мы и грабанем!

- А когда?

- Не сегодня. Сегодня он дома. Да и мы подустали чуток. Вот когда на своем «Мерседесе» увалит в райцентр, тут его и почистим. Харлам?

- Чё? - откликнулось из-под ивы.

- Ты у нас очень глазастый. Дашь сигнал о его отъезде!

- Лады, - согласился Харлам.

- А ты, Волчонок, - Чечулин вытянул руку к сидевшему рядом с ним голова-стому Вовке, - скажи еще раз, сколько до вашего хутора метров?

- Пять километров.

- И чего, говоришь, там такое, абы нам пригодиться могло?

- Бензопила, спиннинг, удочка, два топора...

- Не густо. Да ладно. А фатер твой где?

- Здесь, в поселке. Сегодня приперся.

И там никого сейчас нет.

- Значит, завтра туда! На Вовкину дачу. Собираемся в 10 утра. Поняли, оглоеды?

Вовке как никогда умилительно и блаженно. Сам Оболя обходится с ним, будто равный. И вообще ему нравится то, что сейчас он в компании ухорезов и играет в ней важную роль, уступая в первенстве лишь Оболе. А ведь было когда-то все по-другому. Помнит Вовка колхоз. Это было, когда он учился в четвертом классе. Был он мальчиком образцовым. Уважал дисциплину и делал все, что его заставляли те, кто был опытнее и старше. Приехав в тот день со своим четвертым в колхоз, он готов был работать много и честно, поднимая в поле льняную тресту. Класс разделился на две половины. У девочек, хоть и не бойко, но дело пошло. У ребят же - застопорилось. Накидав под себя побольше тресты, они отдыхают. Час лежат. Полтора... Наконец, кто-то из девочек строго кричит:

- Хватит валяться-то! Вон председатель едет на мотоцикле!

Встал лишь самый сознательный, он, Вовка Саблин. Стал наклоняться и ставить льняные султанчики, не обращая внимания на остроты, в которых старательно изощрялись его насмешливые дружки.

- Зря стараешься! Все равно о тебе не напишут в газету!

- Вовчик, кончай! А то мослы свои надорвешь!

Вовка как бы ребят и не слышит. Однако работать стал напряженно.

- Не выделяйся! - крикнули снова ему.

И Вовка остановился. Стало стыдно

ему, что он выделяется, как показательный мальчик. Махнув на работу рукой, потянулся к дружкам, на ходу распиная султаны, дескать, я не такой уж и образцовый - сам работаю, сам и ломаю.

- Молодцом! - похвалили его лежебоки.

Девочки той порой перешли на другую сторону поля. Подростки же все продолжали лежать. Наконец и лежать надоело. Встали. Поставили по снопку. По второму хотели. Да кто-то с кем-то схватился в дурашливой схватке. Работа забыта. Кто кувыркается. Кто хохочет. Свист, мельтешение рук. В воздухе - в ключья растерзанная солома. Со стороны поглядеть - дикариная пляска.

Проходящая мимо старушка всплеснула руками:

- Что же вы делаете, вражата? Для того, что ли, лен-от растили, чтобы вы его - в грязь?!

- У нас перекур! - гогочут ребята.

- Тыфу, беспроokie! - возмутилась старушка. - Не шефы, а кабаны! Бесстыдники, право! Вред от вас, а не польза! И откуда такие берутся? Как не от матери родились!

«Какой я был маленький и наивный, - думал Вовка, - не понимал ничего. Готов помогать был какому-то там колхозу. Где он теперь, тот колхоз? Да и все остальные хозяйства с их фермами и полями? Испеклись, как один. И верить некому стало. Разве отчиму моему, папе Вене? О-о, нет. Лучше уж буду я верить Оболе. С ним хоть не скучно. Да и делать не надо того, чего не хочу».

Вовка тычет Оболина в бок:

- Слышь, Оболя. А правда, что ты человека убил?

Оболин треплет Вовку по голове:

- Не человека. Всего лишь бомжа.

- Он что, был с большими деньгами?

- Какие там денги. Не было их у него.

Просто я проверял свою силу. Силу удара ноги. Я ведь боец. Знаю сотню приемов, как сбить человека с копыт. А этот, который загнулся, совсем дохляком оказался. И пнул-то его я всего пару раз.

- Пнул?

- Не под задницу, не подумай. В голову, возле уха! А там, понимаешь, мозги. Он и затих...

Оболин вдруг повернулся, схватил Вовку за уши:

- Для чего ты спрашиваешь об этом?

- Тоже хотел бы, как ты, стать бойцом! Чтоб кого захотел, того и отделать!

Оболин поверил, почувствовав в Вовке несостоявшегося злодея, кому действительно хочется стать таким же, как он. И это ему поглянулось

- Сделаю! - твердо сказал. - Обещаю! Не бойсь! Я тебя к прабабушке не отправлю. Почему? Потому что ты нравишься мне! Быть тебе, Волче, головорезом! Таким же, как я! А может, и полютей!

Отдыхала братва. Думали о запретном и о том, что когда-то будет праздничек и у них. И гулять они будут не так, как сейчас, не в сумерках около пыльной дороги, среди развороченных банок из-под тушенки и осколков стекла в измятой траве, а в престижном, с высокими люстрами ресторане, с податливо-добрыми кралями на коленях и пить из рюмок французский коньяк. А пока... Да, пока в их мозгах шевелились лишь отблески чьих-то успехов и угрюмые напознати мстительных дум. Они ненавидели всех, кто их лучше живет, кто зарабатывает помногу, кто не ругается матом, не курит и начинает свой день не с выпивки, а с работы.

Было поздно уже. Вечер вылился в ночь. Можно б было и по домам. Да тут невдали, где будка автобусной остановки, услышали тихие голоса. Парень с девой. Неместные. Оболин потряс обоими кулаками, чтоб все молчали и ждали, что будет дальше.

Сквозь сумерки было видно, как парень лапал девушку за бока, целовал ее, прижимая к себе. И она его целовала. Потом он снимал с нее платье, поднимая его за подол куда-то к плечам, а она у него расстегивала ремень и лезла, лезла на парня, пока, наконец, не ушла под него.

Матвейка не выдержал. И бегом, то-ропясь, - к автобусной остановке. Следом за ним - вся его шантрапа.

- Красиво гребетесь! - крикнул Оболин.

Будто от молнии осеклись парень с девой, оттолкнули друг друга ладонями и начали одеваться.

- Правильно, - Оболин приблизился к парню, - брючки свои подтяни. И середьш закрой. Молодец! А теперь вон отсюда! Чеши!

Молодого самца как и не было здесь. И дева хотела бы следом за ним. Да тут перед ней, как живая запруда, - орава похотливо-пьяных мальцов, хватают ее, кто за бедра, кто за плечо, кто за грудь.

- Ребята! Не надо! Не трогайте! Отпустите!

Оболин, самый высокий, спортивно сколоченный, сильный, проходит возле юнцов, облепивших со всех сторон деву, садится на лавку и голосом требующим и резким:

- Венера Милосская!

Несчастливая девушка, плача:

- Я не Милосская. Вы меня спутали с кем-то.

- С жёнкой, наверно! - смеется Оболин. - Так как насчет этого?

- Это чего?

- Чтоб я на тебе поженился!

- Сум-ма...сумашедший!

- Ну, это уж слишком! - паясничает Оболин. - Ты оскорбила меня! При свидетелях! «Сумашедшего» я тебе не прощу! Приведите ее ко мне!

Ее развернули и привели, толкнули Оболину на колени, и он, сопя, набросился на нее. Девушка не кричала. Просто ей не давали кричать, закрыв рот несколькими руками....

После Оболина девушку брали, кто только мог. 15 юнцов истязали бедное тело. В воздухе плавал запах насилия и порока. Наконец, дева с привизгом рухнула, распластавшись на грязном полу.

Оболин с циничной веселостью объявил:

- Сеанс закончен! Кто мы теперь?

Греховодники! С чем вас, уважаемые окурки, и поздравляю!

Кто-то ехидно хихикнул. Кто-то с кем-то переморгнулся. Кто-то сбежал до трактора, и вот уже мчался, неся две недопитые бутылки. Оболин был в центре. Ему показали на девушку, шевелившуюся в углу.

- А эту куда?

- Пусть одевается и уходит. Ты, Волче, - Оболин вытянул руку с бутылкой, - на-ко, глони и проводи ее к дому. На всякий случай. Чтоб не свалилась в канаву.

Но девушка, кое-как запахнувшись в измятое платье, встала на зыбкие ноги, взглянула на всех, кто тут был, как на выходцев из страшной страны, и вышла из будки.

- Будет молчать, - сказал уверенно Вовка.

Оболин вздохнул:

- Ты уверен?

- Иначе развратницей прослывет, - прорезюмировал Вовка. - А такая, хоть в золото наряди, замуж не выйдет. Так что нечего нам бояться...

Было поздно уже. Ребяшня, чуть пошатываясь, шла от автобусной остановки. Последними уходили Оболин и Вовка. Шли в обнимку, как два закадычных дружка, у кого впереди будет много таких вечеров, как этот, и они покажут себя, покажут бравыми фраерами, кого не только будут бояться, но и думать о них как о силе, способной, как гром, оглушить и подмять под себя.

Сзади послышался топот - тяжелый и быстрый. «Не за нами ли это?» - подумали тот и другой. Обернувшись, оледенели. Шагах в тридцати, в обнимку с колом бежал по дороге седоволосый, в кальсонах, мужик, в котором признали они тракториста Ивана Ленькова, отца, получается, той самой девы.

- Мотаем! - крикнул Оболин. И припустил, забывая о том, что он сильный, владеет приемами каратэ и каждого, кто на него махнет, готов завалить.

Вовка мгновенно отстал. Он уже слышал дыхание мужика и голос его, острый и напряженный, обещающий злую расправу:

- Испортили девку мою! Мразята! Да я за Лизу свою каждого порешу!

Вовка бежал, чувствуя, как тяжелеют туловище и ноги. Дыхание сбито. А дом, где он мог бы спастись, далеко. «Папка! - вспомнил отца, которого дважды предал. - Ну, где ты? Скорей...» Суетясь, расстегнул верхнюю пуговку на рубашке. И вторую хотел расстегнуть...

Кол, настигший его, перешиб позвончик, и мальчик упал, зарываясь лицом в дорожную пыль.

Иван Ленков был в неистовом гневе. Там, впереди, бежал, спасаясь, еще один фраер, кого он тоже не пощадит. Сердце его колотилось. Не выходила из сердца красавица-дочь. Учится в Вологде в институте. В Еловец приехала, чтоб пожить у родителей, вдоволь выспаться, отдохнуть. И на! Иван, как только увидел ее, всю урванную, в пятнах и ссадинах на лице, в разорванном платье, с косо взбитыми волосами, так и понял все до конца. Он лишь мрачно спросил:

- Кто?

- Мальчики-отморозки, - с рыданьем ответила дочь.

- А где это было?

- В автобусной будке.

Не одеваясь, в чем был, лишь засунув ноги в галоши, он метнулся за дверь. У крыльца задержался, пока вырывал из забора осиновый кол.

Был Иван преждевременно поседевшим, среднего роста и средней комплекции мужиком. И бояться его, как громилы, казалось бы, было не надо. Но вышел он из себя, из того человеческого предела, за которым разверзлось само безрассудство, и он готов был на все.

Понял Оболин свою обреченность. Понял с унынием и тоской, ибо видел, как Вовка на полном бегу упал под колом и больше не поднимался. Теперь такая же участь ждала и его. Пиво и водка, выпитые не в меру, связывали шаги, и он бежал, крупно размахивая руками, не уверенный в том, что сумеет уйти.

Ленков клокотал:

- Не уйдешь!

Он видел перед собой зыбкий холмик

волос, тесно прижатые к голове мясистые уши и две лопатки спины, которые так и прыгали под рубахой, как два на берег выброшенных леща.

И все-таки был Оболин быстрее. Перемахнув через складку кряжиков у дороги, он круто свернул к столовой, за которой теснились дровяники, а за ними и огороды. Ленков, досадуя, вывел руку свою назад, бросив кол, как копые. Спина у Оболина обломилась, и он споткнулся, но тут же судорожно вскочил и, как хорек, рванул зигзагами к огородам.

Ленков угрюмо остановился.

- Мразь! Все равно я тебя достану! И тебя и тех, кто обидел мою дочуру...

Ночь. Несколько звезд на небе. И чья-то собака. Она лаяла так настойчиво и уныло, словно хотела всем сообщить о случившейся драме.

7

Три дня плакала Зинаида. С той минуты, как Саблин поднял мертвого мальчика с пыльной дороги, понес его на руках, зашел с ним в квартиру и положил на длинный кухонный стол, чтоб приготовить его к хороненью, до этой, такой же печальной, когда обитый синей материей гроб опустили в могилу и комья земли застучали о крышку, и вскоре поднялся здесь глиняный холм, куда воткнули оструганный крест, обвесив его с обеих сторон искусственными венками, она находилась не столько в жизни, сколько возле нее, отказываясь поверить, что сын ее умер и что никогда уже больше она его не увидит, не выругает за шалость, не разбудит по солнышку, чтобы он, как и все, встретил новое утро, обещавшее будущее и жизнь.

На похороны пришли братья Шурка и Ваня Чечулины, пожилая соседка Анна да Вася Сажин. Больше не было никого. Отпугивал слух, что малый с такими, как он, огольцами, промышлял грабежом, а теперь изнасиловал дочь тракториста Ленкова, за что так страшно и заплачено.

Был безутешен в горе и Юрка. Мягкое сердце его не могло примириться с тем,

что брат его выбыл из жизни, уйдя в страшноватый покойнический мир.

И Саблин страдал. Больше всего его досажало то, что он не сумел найти к парню родительского подхода, не отвел его от шпаны, не зажег настоящим делом.

8

На хуторок свой Саблин ходил каждый день. Иногда там и ночевал. На душе его было ровно.

Но как-то по вечеру, на закате, сворачивая с бетонки, увидел блеснувшую бампером и стеклом роскошную иномарку, которая шла в его сторону, как с прогулки. «Кто такая? Зачем она здесь?»

Тут и вторая машина ему навстречу. А в ней - Трофимов. Остановился около Саблина и сказал:

- Работу даю. Гнать из бревен пиловоchnый брус. 50 рэ за штуку.

Саблин знал, что такая работа ценилась в два раза выше. Понял, что разницу в сумме Трофимов оставит себе. Но что было делать? Другой работы никто ему не предложит. И он согласился, спротив:

- Когда начинать?

- Да хоть сегодня, мил-друг!

Как готовить из бревен эти подрезанные пилой с четырех боков долговременные брусья, Саблину было знакомо. Раньше их пилили на пилораме. Теперь же, когда ее продали за долги, обработчицей бревен стала бензопила. С ее помощью кое-кто в Еловце подрабатывал на шабашках, вырезая не только брусья, но и пластины для пола и даже доски. Саблин в этих делах был искуснее всех.

В этот же день и вернулся он в Еловец. Хуторок подождет. Правда, смущали его машины. «Чего они тут искали? Или затеяли что?»

Работал он за поселком, на эстакаде, куда бревна были завезены еще с прошлой зимы. В первый же день подготовил он двадцать брусьев.

Как-то к нему подвалил, как всегда что-то знающий про кого-то Шурка Че-

чулин, работавший рядом подручным на кране.

- А ты знаешь, кому этот брус? - деликатно осведомился.

- Не знаю, - ответил Саблин, - какая мне разница. Лишь бы платили.

- А я, едрена ворона, знаю. Боссу тут одному. Он где-то в наших краях подглядел шикарное место и будет ставить себе дворец.

- Из этих брусьев?

- Из этих!

- Да мне что до этого, - отмахнулся Вениамин. - Ставь хоть четыре дворца!

- Все дело в том, - улыбнулся Чечулин, - что эти брусья, все, как один, попадут в мои ручки!

- С какой это стати?

- С такой, что Трофимов меня, как бывалого плотника, ставит главным на эту стройку. И меня, и Вовку-крановщика, и лесовоз вместе с Ванькой моим! Все пикает туда. Так что, Веня, шуруй! Каждый брус - моя будущая работа!

Дней десять Саблин работал на эстакаде. Домой возвращался лишь к ночи. Было неловко встречать Зинаиду с глазами, в которых стояла тоска, а в ней - беспрерывная дума о Вовке.

Саблин умел забываться в работе. Ходил и ходил с заведенной пилой вдоль бесчисленных бревен. Брусьям своим он и счет потерял. Через день подъезжал на «КамАЗе» Иван Чечулин, забирая брусья на новостройку.

В воскресенье Саблин взял передышку. «Рыжик пошел! Первый слой!» - понеслось по поселку.

Народ так и хлынул к грибным островкам. У каждого были свои заповедные елочки и полянки, где рыжик рос каждый год.

Саблин направился в хуторок. Там рыжик гнезвился по старым выпасам около Ляли, и рос он в еловом подросте, где месяц назад стояли мостами маслушки. Сворачивая с бетонки, при виде прорубленной им дороги со свежими колеями от многих колес он невольно насторожился, почувствовав что-то недоброе для себя. А когда подошел к рас-

чищенной луговине, на краю которой стоял его теремок, то расстроился не на шутку. В другой стороне расчистки, куда бежали следы от тяжелых колес, он увидел выкладку брусьев. «Брусья-то вроде мои. Ну, конечно, - узнал их, приблизившись к ним. - Значит, Шурка не врал, когда говорил, что они попадут в его ручки. Кто-то из шишек решил стать соседом моим. Хочу ли я этого? Спрашивать не пожелали. Взяли и въехали, не церемонясь. Здесь жили мои старики. Их вытолкали отсюда. Насильно спроводили с их же земли. Но это тогда... Ад болотный. Чего же мне делать? Неужто смириться и жить с моим новым соседом? Ни я не буду его беспокоить. Ни он мне не будет мешать...»

Саблин в лес не пошел. Не до рыжиков стало ему. Подобрал рюкзак, он зашел на крыльцо. На крыльце и перекусил, пожевав неохотно хлеба с соленым лецом.

Сидел он долго, пытаясь взять себя в руки. Всматриваясь в завесь осиновых листьев, вдруг уловил рокоток приближавшегося мотора. Кто-то едет сюда. Трофимов! - узнал по синему цветку его пятидверную «Ниву», выплывшую из леса и с поворотом, сминая траву, по периметру огорода рванувшуюся к избушке.

Михаил Петрович вылез из-за руля. Увидев Саблина, не поздоровался, но воскликнул:

- Вот кто тут поселился! А я-то думал. Так, так! - голос его был не только громким, но и пеняющим, словно Саблин был перед ним виноват. - Милое дело! И на что ты рассчитывал, когда строительство затевал?

- Жить, Михаил Петрович, - ответил Саблин. - А что такое?

Трофимов прошелся по травке. Длинный в тулове, но короткий в ногах, с лицом строгим и затаенным, был он в эту минуту сосредоточенным, даже важным, как и всякий власть имеющий человек, кому доверили поручение и он его выполнит так, как надо.

- Смелый ты, человек! Один среди леса - и не боишься? - начал Трофимов

издалека, еще не зная, какую тактику в разговоре было надежнее применить.

- Кого бояться-то мне?

- Верно, верно, - Трофимов присел на стоявший возле него березовый кряж, хлопнул ладонями по коленям и обдуманно улыбнулся, сопоставляя улыбку с несказанными словами, которые могут Саблина и расстроить. - А документ на поселение в эту местность, надеюсь, ты мне покажешь?

- Какой еще там документ! - Саблин почувствовал, как в груди его зашевелилось и стало расти раздражительное волнение. - Нет документа!

Трофимов сообразил, что тактику разговора он выбрал верно. Напролом, напрямую с Саблиным было нельзя. А вот так, исподволь озадачивая, чуть смущая его, в чем-то, может быть, и пеняя, можно было и укротить, поубавить в нем пыл и добиться того, что станет он выглядеть виноватым. Виноватый - значит послушный. Именно так Михаил Петрович и правил в своем Еловце, добиваясь того, чтобы все перед ним одновременно были послушны и виноваты.

Лицом Михаила Петровича владела уже не улыбка, а легонькая усмешка, с какой было проще вести разговор, направляя его туда, куда надо.

- Значит, ты самовольно сюда?

- Именно так! По собственной воле!

- Саблин! Саблин! Это же незаконно!

Вениамин поднялся. Рукou, как слугой, вывел круг, забирая в него реку, чищенье, свой теремок и белевшие брусья.

- Здесь когда-то жил со своей семьей и своим хозяйством мой дед!

- Ну и что! - Михаил Петрович пожал плечами. - Если бы эту землю тебе передали в наследство - тогда бы другой разговор. Верней, никакого бы разговора. Живи бы тут - поживай. А так - извини.

Саблин уже начинал заводиться. Чтоб прекратить затянувшийся разговор, недовольно спросил:

- Чего хотите-то от меня?

Михаил Петрович растолковал:

- Эта земля имеет истинного владельца. Его права на нее охраняет закон. По-

лучается, ты поселился в чужом уголке. За это можно и наказать. Мой совет: съезжай-ко отсюда. Да-да. Подобрать-подорожу.

Саблин внимательно посмотрел на Трофимова. На какой-то момент показалось ему, что сидит перед ним явившийся из бывшего сотрудник НКВД, почему-то одетый не в гимнастерку работников этой службы, а в современный серый пиджак, чуть раздутые на коленях серые брюки без стрелок и длинные, будто лодки, полуботинки с аккуратными бантиками шнурков.

- Как это так съезжай? - спросил он недоуменно. - А дом мой куда? Постройки вон всякие? Огород?

Михаил Петрович попробовал Саблина успокоить:

- Поможем! Чего уж ты сразу заволновался. Выделяю тебе я для этого целый «КамАЗ».

- Нет! Нет! - заупрямился Саблин. - Столько сил во все это вложил! Столько времени! Столько жизни!

- Компенсируем, - улыбнулся Трофимов. Покладисто улыбнулся, душевно, как другу, кого в ущербе он не оставит. - Сколько бы ты за это хотел?

- Чего это сколько? - недопонял Вениамин.

- Рублей! Скажем, тысяч пяток?

Саблин почувствовал: то, что отсюда он должен съехать - уже решено. И решил это тот, кто здесь ставит дворец. А Трофимов, видать, у него в услуженцах и делает так, как сказали ему.

- Так пяток, говоришь? - принахмурился он.

Трофимов, чья грудь была оттопырена от лежавшей в кармане его пиджака стопки денег, которую дал ему Парамонов на то, чтоб хозяин избушки съехал отсюда, не обижаясь, повел, как ни в чем не бывало, расчетливый торг.

- Ну, давай тогда десять тысяч!

Вениамин промолчал.

- Ага! И этого мало! Пятнадцать!

Грустно стало Вениамину. Повернулся к реке. Брови свесились, как две

стрехи, а в запавших глазах тускло высветилась обида.

- Ты меня, Михаил Петрович, выселяешь, как кулака. А ведь я работаю на тебя, как батрак на скупого хозяина. Или тебе и этого мало?

- Но! Но! Тоже не забывайся. Батрак...

- А еще спрошу, - перебил его Саблин, - перед кем прогибаешься? Перед этим, кому на моей территории ставишь дворец? Он, наверно, тебе хорошо заплатил. И ты дал ему слово, что выпинаешь отсюда и меня, и мой дом, и мое хозяйство.

- Так и будет! - Трофимов поднялся так резко, что кряжик под ним зашатался и, падая, покатился к реке. Пятидверка стояла рядом, и Михаил Петрович уселся в нее. Завел. Решительно развернулся и по ходу движения высунул голову, чтобы сказать:

- Даю тебе ровно два дня. Разбирай свой шалаш - и со всем барахлом в Еловец! Там устраивай дачу...

Уехал Трофимов, как инквизитор, которого надо остерегаться, ибо в любое время он мог возвратиться и выгнать Саблина с хуторка.

Скверновато было у Саблина на душе. Чтоб отвлечься от черных дум, выкурил парочку сигарет, выпил кружку воды и занялся хозяйственными делами.

И стало ему чуть спокойнее, даже бодрее, когда он отправился в огород, повоевав там с лютыми сорняками, когда, позванная ведром, спустился к Ляле за холодяной... И даже сейчас, когда отдыхал, вытянув ноги с порога домика на крыльцо, ощущал себя так, как если бы кто-то хотел ему выразить благодарность, а он на это лишь слабо отмахивался рукой и застенчиво улыбался.

Там, над Лялей, где мирно лохматилась ельничка, летали клесты и падали друг возле друга вечерние тени, вставала луна, немая и красная, как фантастический глаз, который рассматривал землю, чтоб подарить ей свою неземную печаль. И чем выше луна поднималась, тем темней становились леса, а река

зеленела, и на самой ее середине, будто рыба спинна, серебрилась игривая рябь.

Сейчас бы сюда собеседника, думал Саблин. Поговорить бы, как с другом. Облегчить бы душу.

Поговорить не получится. Много в России душевных людей. Но как далеко один от другого. Словно стоит между ними глухой промежуток лесов, и от сердца к сердцу не докричатся.

9

Был Заборов общительным человеком. И любил связываться с людьми, умевшими при любых режимах жить не только благополучно, но и азартно, ничего не смущаясь и не боясь. Тянулся к таким уверенным он потому, что хотел пройти у них школу и стать таким же, как и они. Парамонов - вот кто был для него великим примером. Трофимов же неотесан, наивен и слишком прост. Его при случае Герман Ефимович мог использовать и по ненадобности оставить. В то же время Трофимов его удивлял. Каким таким образом этот, в общем-то, недалекий лесной служака смог наладить в своем Еловце, обходя Парамонова, скрытный бизнес, приносивший ему постоянный навар?

Герман Ефимович был за то, чтобы жил Трофимов в поселке всегда. Тогда и он, Заборов, будет время от времени что-то иметь. Вот и нынче из этого Еловца Герман Ефимович получил для себя и своих покровителей несколько свеженьких бань, которые были так кстати в их загородных коттеджах

По натуре своей был Заборов авантюристом. Обожал иномарки, поездки куда-нибудь к морю и рестораны. Деньги на это имел не всегда, но умел их найти. Постоянно связывался с людьми, которые попадали в скользкую ситуацию и не знали, как выбраться из нее. Герман Ефимович знал. И еще он дотошливо знал самое слабое место у тех, кто ворует.

Легкие деньги Заборов, как правило, зарабатывал там, где были неразбериха,

бесхозяйственность и бардак. В Еловце он использовал подпись Трофимова в накладной, которую он поддельно аккуратно и получал, таким образом, с нижнего склада готовенький лес. Частный предприниматель, кто был и водителем и владельцем мощного лесовоза, заранее ждал от него звонка. Таких водил у Заборова трое. Связь держал он с ними через мобильник. Все они ждали его звонка, благо хотели подзаработать.

Нуждался в деньгах и Иван Караулов. Да вот споткнувание вышло. Уехал Иван в Еловец на своем лесовозе - и сгинул. Прошло с той поры месяца полтора. А назад, в условное место, где его ждали Заборов и покупатель, Иван не приехал. И он, и машина его пропали. Заборов предполагал, что к загадке исчезновения водителя с лесовозом причастен был Михаил Петрович Трофимов. К нему он и ехал в своей «Мицубиси». Ехал, понятно, как парамоновский порученец, взяв для Трофимова деньги и чертежи.

- Подшевели его! Пусть разворачивается покруче! - давал наставление Парамонов. - И чтоб соседа с его новостройками не было там...

В Еловец он приехал днем и задержался в поселке на то лишь недолгое время, какое ушло на скромный обед.

Заборов был ниже среднего роста, но выпуклый в животе и лице. Вылезал из своей «Мицубиси», как мяч. Мячом и подкатывал к дому хозяина Еловца. Здравовался он с радушной улыбкой, нажимая пальцами так, как если бы этот нажим намекал на серьезную власть, с которой Трофимов должен считаться.

- Как поживаем?

- Спасибо, - ответил Трофимов, - хотя...

- Что? - встрепенулся Заборов - само соучастие и приятность.

- Лес поворовывать стали. И что характерно - воруют с подложными накладными. Кто-то копирует мою подпись. С ней и орудут, как бандиты.

Заборов виду не подал, что поднапрягся. Наоборот, напустил на лицо сочувствие и заботу. Однако Трофимова

не обманешь. Он видел глаза Заборова, а в них, по самому дну - скользнувший испуг.

- Да, малина-калина, - покачал головой Заборов. - Дожили, что называется. Вор на воре.

Так, разговаривая, они зашли в квартиру, где полнолицая, в пышной, с оборками кофточке, Катерина уже расставила на столе миску с наваристым супом, колбаски, грибки, огурчики, хлеб.

- Хотел уж в милицию обращаться, - продолжил Трофимов.

- Думаешь, что, поймают?

- А вдруг!

- И я вот в милицию тоже хочу, - Заборов намеренно построжал, - вместе с шофером пропал где-то в ваших краях один лесовоз. Представь себе, дело не рядовое. Может, ты чего знаешь об этом?

Теперь Трофимов уже поднапрягся, даже губы поджал, отчего они впали куда-то в его бритый рот, и лицо его стало почти безгубым.

- Нет. Ничего. Ничего не знаю.

Заборов неверяще улыбнулся:

- А чего всполошился-то весь? А, Михайло? Или чего-то скрываешь?

Холодный пот проступил на спине, и Трофимов сообразил, что если он где-то выдаст себя ненароком, то Заборов его обязательно сдаст, и тогда все изменится в этой жизни, и он, как последний изгой, почувствует время, отмеренное ему по жестокости лагерному режиму.

- Не надо, Герман Ефимович! Не кощунствуй! Я ведь тоже могу допустить, что эти фальшивые накладные, по которым воруют мой лес, знакомы не только тому, исчезнувшему шоферу, но и тебе!

- О-о, нет! - поперхнулся Заборов, услышав в трофимовском голосе что-то опасное для себя.

Чтоб поправить неладно поехавший разговор, он сказал:

- Не будем искать виноватых. Не гоже друг друга подозревать. Тем паче - топить. Оставим это. Замнем...

Взгляды их встретились. Потеплели. Возникло доверие, как у всех пронырливо-умных людей, знающих

друг про друга меньше хорошего, чем плохого, и понимавших без слов, что ворон ворону в глаз не клюнет.

10

Одна за другой бежали машины. Первым ехал Трофимов. Заборов - за ним. При повороте с бетонки услышали тракторный лязг. Это бульдозер. Его Трофимов послал еще утром, чтоб Сажин готовил площадку под парамоновский дом, убирая с нее пни и коряги.

Домик Саблина как стоял на краю поляны, так и стоит до сих пор, и два смотревшие в огород уютных оконца были окутаны тенью, как тайной, в которой лежала и крайняя к домику грядка, где зеленел тяжелыми перьями речпчатый лук.

Увидев это, Заборов пробормотал: «Дисциплинка, малина моя. Что-то тебя худенько слушаются, Трофимов».

Михаил Петрович, словно его услышал; остановил у брусьев свою машину, выбрался из нее, подождал, когда подъедет сюда Заборов и, как бы оправдываясь, сказал:

- Совсем не слушается, мерзавец! До сих пор, ну-ко, тут. Вчера еще надо было отсюда. А он как прирос.

Заборов слова не проронил, однако всем своим видом и выражением глаз с промелькнувшей в них искоркою укора выразил неудовольствие служащего конторы, которого подвели.

- Дал ему я два дня, - продолжил Трофимов, - и «КамАЗ» специально сюда пригонял, абы он загрузил в него этот свой теремочек. И на те! Ни с места.

- Такое Игорь Олегович вряд ли потерпит, - отметил Заборов.

Трофимов расстроено оглянулся, забирая взглядом притихший бульдозер, брусья с сидевшей на самом верху лохматой вороной, реку и белевший над ней теремок.

- Как тогда быть?

- А никак, - Герман Ефимович поднял руки, умывая ими лицо, на котором вызрели капельки пота, - раз ты с этим сво-

им мужиком не управился, то и стройку тут нечего затевать. У меня вон с собой чертежи и деньги. Хотел уже было тебе их отдать. Однако не буду. Обратное с собой заберу. Потому как дворец Парамонову строить будем, но получается, что не здесь!

Трофимов растерян.

- Герман Ефимович, обижаешь!

- Надо, Михайло, не спать, не тянуть резину! Из-за тебя и машину свою я, выходит, сюда зря гонял!

Трофимов взмолился:

- Ефимыч, прошу! Не пори горячки!

Завтра же он уберется!

Заборов позволил себе удивиться.

- А почему не сегодня? - поставил вопрос и немигающе, словно щука, уперся зрачками в горло хозяина Еловца.

- Сегодня? - смутился Трофимов.

Заборов спросил:

- Как его, всё забываю?

- Саблин.

- Так вот, дорогой мой Михайло! Ты с этим Саблей - как с несворотливым пнем! Раз - и выкорчевал отсюда! И не когда-нибудь, а сейчас! Бульдозер-то вон у тебя, под боком.

- А что?! Это мысль! - Трофимов отмахисто прогулялся ладонью по лбу, точно смахивая с него не только прилипших к нему комаров, но и свою неуверенность, и рука его с поднятым вверх указательным пальцем уже качалась над головой, повелевая сидевшему за рычагами бульдозеристу ехать следом за ним.

Трактор, вывернув из-за брусьев, где чернела расчищенная земля, погромычал, пересекая чищенье с запада на восток. Трофимов шел впереди, показывая дорогу. Выйдя к изгороди, перебрался через нее и направился дальше, прямо по грядке с цветущими огурцами. Остановившись, взмахом ладони вывел в воздухе ломаную кривую:

- Сюда!

Сажин высунулся из дверцы. Большое с канавкой на подбородке лицо его было в недоумении:

- Огород же тут! Как это я?

- Огород ликвидируем! Ну-у?

- Не поеду, - уперся Сажин.

- Вылезай! - Трофимов приблизился к трактору, посмотрел на Сажина снизу вверх и, когда тот прыгнул с гусеницы на землю, сам забрался за фрикционы и повел машину вперед.

Захрустело с треском звено огорожи, и, как черная кровь, потекла из-под гусениц грядка с цветущими огурцами.

Повернувшись, бульдозер, как танк, победил поперек зеленеющих гряд, перемалывая с землей корешки и верхки беззащитного огорода. Остановился на пару секунд перед домом, проревел, как неистовый бык, и, скрежеща вскинувшимся отвалом, устремленно вошел в избяное нутро. Дом разъехался на два края, образовал в середине страшный пролом...

- Ломать - не строить, - невесело пошутил Трофимов и, встав на гусеницу, проводил глазами несколько бревен, как те скатились с крутобережья и хлестко, словно стреляя, хлопнулись в воду и, развернувшись, поплыли по смиренной реке к ее ближнему повороту.

- Остальное доделаешь ты! - приказал подошедшему Сажину, спускаясь с гусеницы на берег. - Всё! Всё в реку! Так надо! Это постановление!

В красной футболке, с руками, как подтоварины, в полуботинках 46-го размера, Сажин был схож с громилой, рядом с которым Трофимов выглядел, как подросток.

- Постановление? - Сажин смотрел на Трофимова, как на черта, который имел над ним власть. - Чье?

- Директора «Бумлеспрома», - ответил Трофимов голосом человека, с которым спорить запрещено.

Сажин попробовал возразить:

- Но я не могу.

- Можешь! - рявкнул Трофимов. - К тому же есть у тебя и опыт, как надо сбрасывать с берега то, что положено сбросить!

- Нет, нет, - упорствовал тракторист.

Подсказывать, как надо воздействовать на людей, о которых Трофимов знал не только хорошее, но и плохое, было ему не надо.

В недолгом раздумье он заступил на ступеньку раздавленного крыльца, повернулся спиной к трактористу, сделал два шага от него и спросил:

- Помнишь тот лесовоз и того шофера, которого ты утопил и зарыл?

- Помню, - ответил мертвым голосом Сажин.

- Хочешь, чтобы об этом никто не узнал, кроме тебя и меня?

Вместо ответа Сажин вскинул тяжелое тело на гусеницу машины. Минуту спустя руки его лежали на рычагах, направляя бульдозер на развороченный дом.

Стены и крыша тряслись и громко сползали вместе с осколками стекол к реке, осыпая ее осиновыми венцами.

Трофимов как дирижер. Кепку снял с головы, сжимает ее в руке и знает себе машет, направляя бульдозер туда, где стояли у Саблина дом, огород и хозяйственные постройки. Часа полтора потребовалось ему, чтобы все эта площадь сделалась ровной и черной, как пашня, над которой дымилась древесная пыль, тяжело и горько пахнущая осиною.

11

Блеснуло, и в высверке света вздрогнули окна домов, обнажая незащищенность. Дopotопно и глухо, как из библейских времен, протаялся с грохотом гром. Запахло сырым огородом.

Шел дождь, разливая по белому свету душистый настой некошенных трав. В ближнем осиннике тьякал лисенок.

На провод, летевший к дому с опоры высоковольтной, уселась строчка скворцов, нацелясь желтыми клювиками к окну, в распахнутых створах которого, как в картине, белело лицо Зинаиды.

Женщина из окна разглядывает поселок. Такое было несвойственно Зинаиде. Просто она заглянула в окно, чтоб узнать, не идет ли с поскотины козье стадо. Но вместо коз разглядела скворцов. При виде птичек под теплым дождем, которые как бы просились в ее

жилище, она закрыла глаза и учуяла сердце, встрепенувшееся, как птица.

Вот так ни с того ни с сего ощутила женщина связь с Божьим миром, где человек и птицы, запахи трав и гроза были и будут всегда, как свидетели чуда, которое называется Жизнь.

Болело сердце у Зинаиды. Ведь и месяца не прошло, как она потеряла сына. Болело, и в этой боли, стихая ее, выросло желание целиком, с головы до ног окунуться в привычную повседневность, когда душа с удовольствием принимает и хлопоты по хозяйству, и Юрку с Веней, которых она любила и любит, как самых близких и самых надежных, и шелест трав под окном, и все знакомые звуки, спешившие к ней со всех закоулков и улиц поселка, где обитают такие же люди, как и она, кому так хочется жить, жить и жить.

Уже на улице, когда пошла Зинаида встречать своих коз, ее окликнула бабка Анна, ступавшая от реки с корзиной белья.

- Слышь, Зинуля! - остановила ее соседка. - Сроду такого не видела. Белье полощу. Вдруг как торкнуло по плоту! Гляжу - сверху прямо ко мне какие-то рамы плывут, и какие-то бревна. Ровно кто дом уронил, и теперь он плывет по воде частями.

Улыбается Зинаида:

- Такого не может быть! Поблазило, Анна!

- Вот те крест! - божится соседка.

Дождь прошел, и вдогонку за ним, опираясь лучами о лес, как из бездны, вскарабкалась в небо луна. И солнце еще не ушло. Но было уже остывшим, садившимся грузно куда-то за улицу Еловца, которая вспыхнула вдруг жестоким пожаром, в свете которого Зинаида увидела коз, а за ними и Юрку.

Шел подпасок домой, уставший, но страшно довольный, оттого что увидел мать. Отрадно ему, и вот уже что-то ей громко кричит, и машет рукой, забирая ее распахнутыми глазами, в которых видится Зинаиде нечто щемящее и родное, то, что она потеряла и, кажется, снова приобрела.

12

Саблин ходил за морошкой. Брал ее в пяти километрах, на Сычьем болоте. Возвращался с полной корзиной.

Грохот, который он уловил сквозь шелест деревьев, его встревожил, и он ускорил свой шаг.

То, что увидел он, выйдя из леса к своей поляне, показалось невероятным. «Мерещится мне, мереск стоит у меня в глазах, - сказал самому себе. - Этого быть не может! Куда я пришел? В никуда! Был дом, были постройки, был огород. А где это всё?» Но тут он увидел бульдозер. И Михаила Петровича разглядел. Трактор с хозяином Еловца стояли на берегу так уверенно и привычно, будто они находились на этом месте всегда.

«Спокойнее, - приказал себе Саблин, - без рук». Спасаясь от комаров, был он в зеленой, застегнутой до конца всеми пуговками рубашке, в легких кирзовых сапогах и белом, завязанном на затылке платке - ни дать ни взять флибустьер из «Остров сокровищ». Пройдясь по черному, со следами от гусениц взмолотому участку, где еще утром стоял его дом, он вышел на берег, откуда увидел оконную раму, обломок фронтона и несколько бревен, пльвших по Ляле в сторону Еловца.

- Изболумы! - сказал он, медленно поворачиваясь к нежданцам. - С винтов походили! Да вы знаете, с кем связались!

- Я же, Саблин, тебя как будто преду-преждал, - ответил Трофимов, - что если не съедешь отсюда, то будешь дело иметь со мной! А я на ветер слов не бросаю!

Брови у Саблина выломало углами, худое, с тяжелым носом лицо окидало багрянцем, как у охранника нефтебазы, обнаружившего пожар.

- Поганец ты, Михаил Петрович! И те, кто припёрлись с тобой на мою террито-рию - тоже поганцы!

- Но, но! - поднял голос Трофимов.

Саблин сделал к нему разгневанный шаг. Трофимов попятился.

- Мало вам домика моего - нате ешьте и это! - Саблин выбросил руки вперед, и

морошка вся так и хлынула из корзины, облепляя Трофимова ягодами и соком.

Михаил Петрович то ли в панике, то ли в гневе дал проворным ногам задний ход и попятился быстро-быстро, часто взмахивая руками, как подбитая птица, которую могут настичь и добить. Подско-чил к раскрытой дверце бульдозера, от-куда выплыла толстая, с покривившейся бровью башка Генерала.

- Чего зенки распелил? Дави его, гада! - ткнул пальцем на Саблина, как на зло-дея, которого надо остановить.

Сажин бледен, как смерть. Руки его трясутся, не попадая на рычаги.

А Саблин как шел на Трофимова, так и идет. Отпнув попавшую на пути корзи-ну, не мигая, уперся глазами в обидчика, находя на лице его место, куда он впе-чатает свой кулак, после удара которым уже не лечат.

- Подымай его на отвал! - с провизгом в голосе, как глухой глухому, повелева-ет Трофимов. - В реку его! Ну-у! Топи паразита!

Сажин нажал на педаль, и трактор только-только, не зацепив мужиков проблеснувшим ножом отвала, прошел, разведя их по обе стороны от себя.

Сажин остановился. Он был подавлен и плохо соображал. «Что будет дальше?» - спрашивал у себя.

Неожиданно Саблин сорвал с головы свой пиратский платок и пошел. Слава Богу, не к трактору, - прочь от него. Дой-дя до берега, встал, как столб, и стоял, повернувшись лицом к воде, и по тому, как он чиркнул спичкой и закурил, сплю-нул громко и, размахнувшись, бросил платок, попадая в реку, было видно, что он очень сильно переживает.

А Трофимов, весь разобиженный, в пятнах и ягодах на рубашке, дрожащий от ненависти и злобы, забрался к Сажину в трактор и, как заговорщику заговорщик:

- Кроши его всмятку! И в воду! Никто не узнает!

Сажин почувствовал, как под руба-хой, словно на маленьких лапках, от шеи к поясу пробежал мерзлый зуд.

- Понял меня? - добавил Трофимов.

И показалось Сажину, что Трофимов вовсе и не Трофимов, а кто-то из тех, из нечистых, кто воплотился в него, и теперь им настойчиво управляет.

- Понял, - ответил Сажин.

Михаил Петрович тут же и слез, отходя от трактора к брусьям, возле которых поблескивали на солнце две лакированные машины.

- А ну вас к ляду! - чуя в себе нарастающий страх, Сажин вывел заднюю передачу и, грохоча башмаками траков, помчался назад. Прочь отсюда! От этого ада! От этого беспредела!

Трофимов такого не ожидал. Он смотрел вдогонку бульдозеру, как разъяренный полковник на дезертира, жалея о том, что не может его сейчас расстрелять. «Ну, Генерал! Я тебе этого не прощу! Ты еще у меня пожалеешь!»

13

Без пиджака, в желтой с ромбиками рубашке, выпятив животище, с брезгливой миной на выбритом до яичного блеска лице и короткими пальцами рук, сплетенными на груди, Заборов похаживал взад-вперед между машинами и рекой таким новым Наполеоном, перед кем полагалось слегка трепетать.

Трофимов это учел и, подойдя к порученцу, сказал, распекая своих работяг:

- Ну и народец! Один дебошир, второй дезертир! С кем и работать?

- Видел, видел, - Герман Ефимович чуть подобрел. Любил, когда жаловались ему, как влиятельному лицу, в силах которого что-то решить или что-то исправить. - Домик свалили - и, слава Богу! А хозяин-то домика, Сабля-то этот, не тебе ли еще угрожал?

- Испугал я его! - признался Трофимов.

- Ну, Михайло, даешь! Чем же ты испугал?

- Хотел было тоже в реку! Чтобы он особо не зарывался и не лез на рожон!

- И чем ты его? Будьдозером, что ли, хотел?

- Ну да!

- Ух, Михайло! - Заборов даже повеселел. - Отчаянный ты человек! Ну, так и что! Утопил бы его! Подумаешь, диво. Кто бы об этом узнал?

- Циник ты, Герман Ефимович! Хотя, если уж откровенно, этот Саблин стоит того, чтобы сбросить его в реку!

- Что? Обидел тебя?

- Не обидел, а мог обидеть! С кулаками, стервец! Да еще и корзину с ягодами швырнул. Вон, гляди! - Михаил Петрович дернул себя за измятую, в желтых подтеках и пятнах рубаху. - Его работенка!

- И ты, мил-товарищ, чего? Неужели простил?

- Я еще с ним посчитаюсь! - Трофимов медленно, как, любуясь, стиснул пальцы в кулак. - Он вот здесь у меня!

- Молодец! - похвалил его Герман Ефимович и взял Трофимова за предплечье, ласково приглашая следовать с ним к его «Мицубиси», чтоб взять оттуда деньги и чертежи. - Главное в нашем деле - дистанция! Работяга и есть работяга! Лучше к себе его близко не подпускать.

Трофимов взял у Заборова дипломат. Взял и папку с рабочими чертежами. Переложил все это в свою пятидверную «Ниву» и, когда Заборов спросил: «Пересчитывать будешь?», раскованно улыбнулся:

- За кого ты меня, Герман Ефимович, принимаешь!

- Принимаю тебя я, Михайло, за власть держащего человека!

От удовольствия Михаил Петрович даже порозовел.

- Скажи, не кривя душой, - улыбнулся Заборов, - нам власть дана для чего?

Михаил Петрович не очень уверенно:

- Для того чтобы жить не хуже других.

- Ну, это знаешь, для патриотов: жить не хуже других. Лучше других! В десять раз! А быть может, и в двадцать! Так-то вот, друг, Михайло!

Трофимов сыронизировал:

- А как же тогда наша честность и справедливость?

- Ха! Ха! - рассмеялся Заборов. - Ты спятил, Михайло! Все это в прошлом! Они не для нас!

Герман Ефимович вдруг построжал:

- Ладно. Пофилософствовали. Довольно. Кажется, мне пора и домой. Одно непонятно: чего не уходит-то этот Сабля?

Тут они оба одновременно окинули взглядом стоявшего над обрывом реки неподвижного мужика. Стоит и стоит, даже не шелохнется.

- Может, чего худое замыслил? - заметил Заборов. - Мы уедем сейчас. А он возьмет себе и пошутит. Знаешь, сколько сейчас поджогов! Поджигают у тех, кто богаче живет. Что ему стоит весь этот брус превратить в пепелок?

- Ну, до этого мы не допустим! Примем меры! И не когда-нибудь, а сейчас! - Трофимов, словно кто ему приказал, уселся в «Ниву», завел ее и поехал к обрыву реки. Повернувшись капотом к реке, неохотно остановился. Ждал, размышляя, что же сделать ему, чтобы этот упрямец отсюда исчез.

Однако Саблин к нему - никакого внимания. И Трофимов повел рычажком. Не притормаживая машину, высунулся из дверцы:

- Пень стоеросовый! Вон отсюда пошел! И чтоб больше сюда ни ногой!

Саблин не шелохнулся. И это Трофимова так задело, что он ощутил начальнический гнев, который медленно поднимался откуда-то снизу к его ключицам, горлу и голове, покрывая их свеколотно-темным отваром.

- Кому говорят! Вон! Немедленно убирайся!

Саблин снова не шелохнулся. И только широкая шея его с ниспадавшими на нее с затылка черными волосами, крутые, как две булги, лопатки спины и пальцы рук, захватившие в горсти бока рубахи, подсказывали о том, что был он на самом краю человеческого терпения.

Трофимов не понял его состояния и, выморщившись в лице, нажал на педаль, направляя машину так, чтобы та испугала упряма и тот, паникуя, бросился бежать.

Саблин, понятно, не ожидал, что машина пойдет на него. Он мог бы еще уберечься от бамперного толчка, отскочи

бы он в сторону на два метра. Но скакать он не стал и принял удар, толкнувший его в глубокую впадину Ляли.

Трофимов перестарался. Лицо и шея его покрылись испариной, когда он услышал трясок, с каким переднее правое колесо соскочило с берега в пустоту. И левое тоже было готово свалиться, с трудом удерживаясь на склоне. Он для чего-то включил заднюю передачу. Но машина ему подчиняться уже не могла. Заскрежетаła подвеска. Трофимов понял, что надо ему выбираться. Схватив сверкнувший замочками дипломат, который лежал с ним рядышком на сиденье, он бросился к дверце. Раскрыл уже было ее и вылез почти целиком из машины, как и второе переднее колесо прыгнуло в пустоту и он, потеряв равновесие, не вперед повалился, где был спасительный берег, куда упал, мягко стучаясь, дипломат, а назад, в раскрытую дверцу «Нивы», которая, робко рыча мотором, вдруг совершила крутой перевес и рухнула вниз.

Саблин, только что вылезший из реки, оторопело моргнул, провожая глазами нырнувшую «Ниву», из дверцы которой торчала нога в проблеснувшем полуботинке.

Поднявшись на берег, Саблин увидел красненький чемоданчик. Подошел к нему. И, поставив, уселся верхом на его замочки.

Он смотрел на разводья небес, по которым стелились темные тучи. Лицо его, в двух косо брошенных от подкрыльников носа к губам глубоких морщинах, казалось, передавало опыт той самой жизни, какой сегодня живет Еловец.

Шел дождь. Но Саблин не обращал на него внимания. Был он вял, будто жерех на берегу, куда его выбросило волной.

Потом он встал и при выблеске молнии, полоснувшей по берегу и реке, чуть прихрамывая, потащился домой.

14

Заборов был в панике и расстройстве. Он видел все. Мало того, поспешил позвонить Парамонову, сообщив ему, что

берег Ляли, где будут строить ему дворец, очищен от нежелательного соседа, который сюда уже больше не сунется никогда. Звонил Заборов сразу же, как расстался с Трофимовым, еще до того, как тому кувыркнуться в реку.

Шел грозовой сильный дождь, и Заборов спрятался в «Мицубиси». Оттуда и наблюдал.

Видел, как Михаил Петрович ругался, высунувшись из дверцы. Потом передком машины столкнул в реку мужика. А минуту спустя и сам опрокинулся в омут, где и остался.

Удивило Заборова также и то, что Саблин каким-то загадочным образом выбрался из реки. Очутившись на берегу, разглядел трофимовский чемоданчик, где лежало полмиллиона. Но, видать, до чужого добра был мужик не охоч. Потому и остался тот чемоданчик на берегу.

Дождь то лил густыми потоками, то прекращался, то сеялся бусом и, наконец, совсем перестал.

Заборов, волнуясь, как волнуется конокрад при виде чужого коня, подъехал в своей «Мицубиси» к страшному месту, где все это и приключилось.

Нет. Рисковать он не стал. Оставив машину шагах в 30 от обрыва, на зыбких ногах подобрался к реке.

С берега можно было увидеть все. Но он не увидел того, что собирался увидеть.

Ляля была спокойной и тихой. Ничего не подсказывало о том, что где-то на дне громоздилась машина с сидевшим в ней хозяином Еловца.

И берег был тих. В двух шагах от себя Герман Ефимович обнаружил следы от колес, которые обрывались у края берега, падая в никуда. Река, как ни в чем не бывало, текла и текла.

Заборов невесело усмехнулся: «Все, Михаил Петрович, допрыгался! Прыгнул, а выпрыгнуть не сумел! Вот и сидишь ты теперь в воде - мертвый и бесполезный».

Невдалеке, где осинник, послышался треск.

Герман Ефимович вздрогнул. И бегом, в три прыжка - к красневшему дипломату. Подобрал его - и в машину. «Слава Богу, никто не видел», - сказал самому себе.

Уже за рулем, отстегнув упругую крышку, убедился, что деньги были не тронуты. Удивился: «Почему этот Сабля не взял их себе. Мог бы сразу обогатиться...»

Заведя машину, Заборов направил ее к бетонке.

Через пару минут, выехав на нее, растерялся: куда и править - то ли направо, где Еловец? То ли налево, где город? Беспокоило то, что не знал он, как лучше действовать сообразно случившемуся на Ляле? Всего скорей, придется в милицию заявлять.

А что до милиции? «Парамонов!» - понял Заборов. Он! Только он мог уверенно подсказать, как поступить ему в ситуации, где задействован был покойник.

Заборов вытащил из кармана желтой с ромбиками рубахи дорожный мобильник. Ткнул пальцем в кнопку.

- В чем дело, Ефимыч? Что там у вас? - спросил его Парамонов.

Заборов, сам свой голос не узнавая, поведal всхлипчивыми словами о случившемся на реке.

- Не ной, как баба! - приказал Парамонов. - Лучше скажи: был ли кто, помимо тебя, свидетелем этой драмы?

- Я один. Больше не было никого.

- Так вот. Трофимов этого Саблина машиной в реку не толкал! А его, Трофимова, вместе с «Нивой» Саблин, стало быть, пиханул!

- Но-о! - смутился Заборов.

- Никаких там «но»! - снова скомандовал Парамонов. - В противном случае машину с Трофимовым мог толкнуть в этот омут и ты!

Заборов чуть ли не поперхнулся, до того было дико услышать ему такое.

- Итак, - заключил Парамонов. - Ты - свидетель, Трофимов - жертва, Саблин - палач! Все запомнил?

- Все, - еле слышно ответил Заборов.

15

Настроение выправлялось. Шустрые, в узком прищуре глаза Заборова солодели. Полмиллиона рублей, считай, уже были его. Оставалось домыслить - куда их списать? На Трофимова было нельзя. Поднимут машину, а там лишь покойник. Всем станет ясно, что деньги взял тот, кто лишил Трофимова жизни. Получается, Саблин. Из-за того он и «Ниву» столкнул в реку, чтоб запутать следы. И подтвердить это может только свидетель. «Стало быть, я...» - улыбнулся Заборов.

Дипломат с сиденья поднял Герман Ефимович, как драгоценный реликт, аккуратно встряхнул, чтоб услышать движение денег, и, положив в багажник, укрыл его сверху дорожным плащом. «Теперь и в милицию можно...»

Полчаса понадобилось ему, чтоб добраться до города. Заехав во двор отделения, справился у дежурного, на месте ли Битвиненко. И, когда тот кивнул утвердительно головой, прошел на второй этаж к двери, обитой коричневым кожмитом.

Битвиненко не был Заборову ни приятелем, ни знакомым. Просто когда-то он с ним встречался несколько раз на каких-то не очень ответственных совещаниях. Но и этого было достаточно опытному снабженцу, чтобы взмахом руки и широкой улыбкой выразить радость от встречи с главным милиционером района.

Битвиненко был встрече не рад. Сколько сюда к нему за день приходит людей! И у каждого если не просьбы, то жалобы, если не жалобы, то тревоги.

- Слушаю вас, - сказал он Заборову, не выражая своим широким, с кавказским загаром лицом ничего, кроме поверхностного внимания.

Герман Ефимович был убедителен и горяч и, когда закончил рассказ, то заметил, как Битвиненко поизменился, и в уставших его глазах пробились вспешка любопытства.

- Значит, Трофимов сейчас в воде, а Саблин в поселке?

- Да, малина моя.

- Машину эту мы вытащим завтра, - прикидывал Битвиненко, - подключим кое-кого. А Саблина, то бишь грабителя и убийцу, как утверждаете вы, видимо, брать. И тоже, наверное, завтра.

Заборов не согласился:

- Не завтра брат, а сегодня, даже прямо сейчас! Пока он не скрылся.

- Резонно, резонно, - сказал Битвиненко, - но, понимаете, как нарочно, сломалась дежурка. Починят ее только завтра, к обеду.

Заборов, так и подался к столу, за которым сидел Битвиненко, - сама услужливость и готовность:

- А на моей! Если, конечно, такое можно?

- Какая разница, - успокоил его Битвиненко, - и снял с рычажков телефонную трубку, чтобы вызвать наряд.

16

Саблин был мокрым, и дождь, который хлестал по его голове, как бы и не был дождем. Он шел, жидко чавкая сапогами. К Трофимову он не питал ни худых, ни хороших чувств. Почему? Может быть, потому, что тот заплтал за свое злодеяние собственной жизнью.

Саблин вышел к поселку. В душе его, словно в разграбленном доме, было обобрано и пустынно. Оставалась лишь толика желчной досады, которую он отправлял с искривившихся губ вместе с горестными словами: «Распоряжики адовы! Всё уничтожили! И меня хотели - на дно. Да я из живучих. Не вышло...»

Дома его дожидались жена и сын. Зинаида, увидев его, сырущего, с ссадиной на щеке, в расплывшихся сапогах и распластанной по спине на две части рубахе, так вся и выстыла в предощущении катастрофы, в какую попал ее Веня.

- Что? Что случилось? - спросила она, помогая ему раздеться. А когда увидела на спине большое, во всю поясницу, пятно с кровавым подтеком, то испугалась, еле вытолкнув с языка четыре тяжелых слова:

- Это где тебя так?
 - Там, на хуторе, - выдохнул Саблин.
 - Был хуторок, да сплыл. Теперь его нет. Уплыл по реке. И я было тоже поплыл. Да, видать, не судьба. Стою перед вами живой и здоровый.

- Да уж, здоровый, - Зинаида с сухой одеждой, которую принесла для мужа, чтоб он тотчас же переоделся, садится против него на такую же табуретку.
 - Больно, поди-ка? Может, медичку позвать? Пусть помажет и перевяжет...

- Никакой медички. Всё заживает. Завтра к утру буду бодрым, как атаман.

- А кто тебя так? - Зинаиде хотелось знать всё.

- Трофимов, - вымолвил Саблин, - и домик наш, и постройки, и огород - всё сгреб бульдозером, ровно мусор. И меня, как мусор, отправил в реку. Однако и сам сплховал. Перепутал, видать, тормоз с газом. Тоже в реке оказался. Вместе с машиной.

- И-и?! - изумилась жена.
- Там и сидит.
- И ты его что? Не спасал?
- Не спасал.
- И он оттуда не вылез?
- Не вылез.
- Утонул?
- Утонул...

Была Зинаида в смятении. На берегу тихой Ляли гуляла, как тать, затаенная смерть, которая метила в мужа, однако попала в другого, потому и остался Саблин живой.

Пожуинав, Саблин уставился взглядом в клеенку. Думал и думал, не приходя в раздумьях своих ни к чему. Чтоб хоть как-то отвлечься, глянул на сына, сидевшего под стенными часами над книгой.

- Чего читаем? - спросил у него.

- Практикум по лесоводству, - ответил Юрка. Был он в рубашке с короткими рукавами, тонкий в предплечьях, шею и подбородке, не приготовленный к взрослой жизни, в которой спросится больше, чем он умеет. И это Саблина ущемило, как если бы в сыне увидел он самого себя, того неопытно-юного, с чистыми

помыслами парнишку, кто оказался на всем белом свете один.

- Готовишься, значит, сажать на делянке леса?

- А он уже их сажает! - улыбается Зинаида. - Сколько всего посадил?

Скажи-ко, Юрок, уж не сто ли елушек?..
 - Семь полос посадил. А полоса на сто метров.

- А полосу кто пахал?

- Дядь Вася Сажин.

То, что услышал Саблин от сына, должно бы было его удивить. Юрка его готовил к делу. Очень огромному делу, которым должна бы заняться вся трудовая страна, а вместе с нею и он, Вениамин Алексеевич Саблин. Однако выразить радость за сына он в эту минуту не мог: пребывал в мрачно-погашенном состоянии, и надо было прийти поскорее в себя.

Он вышел из дома.

Посвистывал ветер. И тучи неслись одна за другой.

Над переломом крыши через дорогу, как голова пролетевшего змея, блеснула антенна.

Саблин долго стоял на крыльце. Курил и смотрел, как гуляла, сливаясь с вечером, летняя ночь. Куда-то ушли провислые тучи. И ветер куда-то ушел. Над поселком, словно сама чистота, бодро высветилась луна. И сразу на всем Божьем свете стало загадочно и прекрасно.

Послышался говор мотора. Все ближе и ближе. «Кому еще там не спится? - подумал с неудовольствием Саблин.

Около дома остановилась сверкнувшая жаркими фарами праздничная машина. Вышло трое. Двое в форме милиции. Третий - в гражданском. Саблин узнал в нем Заборова.

- Этот? - спросили милиционеры.

- Он самый, - ответил Заборов, - берите его.

Саблин хотел, было что-то сказать, но отдумал и дал себя довести до машины. Перед тем как забраться в нее, он потерянно обернулся, всем своим телом, резко откидываясь назад. Поворот его головы, напряженная, с мощными

жилами шея и затравленный взгляд провалившихся глаз отразили страдание человека, который уже никогда не вернется назад, где оставались, как в пропадающем прошлом, брусчатый с низкими окнами дом и сбегаящие с крыльца Зинаида и Юрка.

17

- Доигрался! - сказал Заборов, как только машина тронулась с места. И Саблин почувствовал в слове этом, в движении шеи, с каким Заборов к нему повернулся, чтобы удобней вести разговор, в тонкой скобочке над губой и во всем его складчато-гладком лице, торжество человека, которому нравится выставляться.

- О чем это ты? - спросил его Саблин.

- Не ты, а вы! - поправил Заборов.

- Многого хочешь, пузырь!

Заборов порозовел. Не привык, чтобы кто-то его награждал грубой кличкой. Решив невоспитанного мужлана поставить на место, опять повернулся к задним сиденьям, где под доглядом конвойного ехал их арестант. Заметив, что Саблин занервничал, он и другую скобочку выставил над губой, и громко, чтоб слышала вся машина, выплеснул, словно уксус:

- За что, не возьму себе в толк, ты Трофимова порешил? Денег, что ли, тебе он не додал? Или бабу не поделили?

Задумался Саблин: «С чего это он такие приплёты вешает на меня?»

- Бабу! - отрезал, лишь бы Заборов отстал.

- Понимаю, малина. Значит, своей было мало ему. Позарился на твою! Ты, чего, их застал?

- Поаккуратней с намеками, - посоветовал Саблин. - Я ведь могу и обидеться. Мало не будет!

Но Герман Ефимович, как и не слышал.

- А где это было? Может, поделишься. А, малина? В квартире ли у тебя? Или где на природе?

Саблин медленно поднял голову.

Перед ним, сыто млея, лыбились складчатое лицо, из которого истекали опытные глаза. Глаза талантливого актера, кто умело прятал в себе провокатора из народа.

- Слушай, ты, господин артист, - потребовал Саблин, - чем помои свои разливать, лучше ответь мне: за что вы меня забрали?

- Он еще спрашивает! - Заборов обвел глазами конвойного и шофера, точно брал их в свидетели, которые могут при случае подтвердить, о чем и как разговаривал с ним подарестный. - За то и взяли, что ты Трофимова утопил!

Усмехнулся Саблин, настолько было невероятным это нелепое обвинение.

- А какая мне в этом корысть?

- Корысть твоя - деньги!

- Какие деньги? Я их не видел!

- Как бы не так! Разве не ты восседал на красненьком дипломате?

- На чемоданчике, что ли?

- На нем, малина моя. А в чемоданчике - полмиллиона! И ты их забрал!

- И ты это видел?

- Видел!

- А куда я их дел?

- Зарыл!

- А как зарывал я их - тоже видел?

- Чего не видел, того не скажу. А то, что ты бил Трофимова, бил так, что тот от ударов твоих улетел в свою «Ниву». А «Ниву» ты взял и столкнул в реку - с этим уже не поспоришь. Случившийся факт!

Саблин вызверился в лице:

- Ах ты, погань! - и не успел сидевший с ним рядом конвойный схватить его руки, как те промелькнули, цепляясь за рыхлое горло, и Герман Ефимович дернулся всем своим телом, да так, что колено левой ноги, подпрыгнув, ударило в руль.

Водитель не мог среагировать на удар, и машину метнуло на встречную полосу, где ее закрутило и занесло, опрокидывая в кювет, куда, словно крупная соль, посыпались стекла.

Четыре недвижимых человека. Нет, три. Водитель, Заборов и конвоир сидят, как задумавшись. И никому нет дела до арестанта, который вылез из сорванной

дверцы и, пошатываясь, как пьяный, сделал несколько трудных шагов.

Машина стояла на всех четырех колесах. Без стекол. Две дверцы сорваны и висят. Две дверцы вогнулись вовнутрь. Дверца багажника, будто крыло подстреленной птицы, вскинута вверх.

Саблин смотрел в зев багажника, не понимая. Перед ним лежал кожмитовый дипломат. Раскрыв его, обнаружил сплошные пачки. Все, как одна, переклеены ленточками из банка. Столько денег он видел впервые. «Для кого они? - грустно подумал, - наверно, на стройку того непостроенного дворца, которую собирался начать Чечуля. Привез эти деньги, конечно, Заборов. Чтобы отдать их Трофимову. И присвоил. А чтобы чистым остаться, решил свалить на меня. Не он ворюга, а я. Вот такие, грызи вашу плешь, развороты. Мне за брусья, кои пилил я, не заплатили. А тут? И дела не видно, а вон, уже деньги... А что коли я? Возьму и сам заплачу самому себе! Сколько я этих брусьев наделал? Где-то за триста. За каждый беру 50 рублей. Умножаю... Пятнадцать тысяч. Ровно столько и отстегну. Ни больше, ни меньше. Чужого не надо...»

Пачку, где было заклеено десять тысяч, он положил в кармашек рубахи. Вторую пачку, сорвав с нее ленту, переломил пополам. Одну половину - себе, вторую - назад, в кожмитовый чемоданчик. Захлопнул его. И пошел.

Ступать среди ночи по торной дороге Саблину было не привыкать. Да и идти-то всего каких-нибудь семь километров. И вот почувствовал - не дойдет. Ныло в поломанных ребрах, болела спина. Но больше всего беспокоила голова. Она гудела каким-то настойчивым трубным басом, будто в ней проплывал пароход, и Саблин боялся, что он оглохнет.

Еще и рассвета не было. Но ночь отступала. И в тишине поселковых улиц было слышно, как капала с проводов дождевая вода. Дорога белела, и возле нее, переваливаясь с лапки на лапку, гуляли скворцы.

В глазах у Саблина колебалось. Качались заборы. Качались деревья. И дом, к которому он подходил, неожиданно накренился, словно бы кланяясь перед ним. «Мерещится мне, мереск в глазах», - сказал самому себе, открывая крылечную дверь.

Уже за порогом, переступив его, зашатался и повалился на руки Юрки и Зинаиды, которые выбежали навстречу, не понимая, то ли им плакать, как плачут, когда умирает хозяин семьи, то ли радоваться тому, что он на свободе и что никуда его больше не заберут.

- Денег немного принес. За брусья, - сказал он, когда его уложили в кровать, где он успокоился и затих, не зная о том, что жизнь его на краю и последнего вздоха уже не будет.